

The background of the cover is a deep blue night sky filled with numerous yellow and white stars of varying sizes. A large, bright, glowing yellow orb, resembling a full moon or a distant star, is the central focus. From the top of this orb, a series of thin, golden lines radiate upwards, forming a large, luminous, teardrop-shaped cloud. In the center of this cloud, the title is written. Below the cloud, a dark, silhouetted basket or gondola is suspended by several ropes. Inside the basket, several figures are visible, appearing to be floating or falling. The overall mood is dreamlike and ethereal.

Двенадцать **НОЧЕЙ**

ЭНДРЮ | ЗЕРЧЕР

Золотой компас (АСТ)

Эндрю Зерчер

Двенадцать ночей

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(Вел)-44

Зерчер Э.

Двенадцать ночей / Э. Зерчер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Золотой компас (АСТ))

ISBN 978-5-17-109079-1

В Рождество отец Кэй задержался на работе допоздна – как обычно. Устав от ожидания, мама Кэй сажает дочек в машину и едет за ним. Однако от привратника одного из колледжей старого университета, в котором отец занимается научными исследованиями, они узнают, что все давно разъехались. Да и вообще, по словам привратника, в колледже нет сотрудника с таким именем. Когда они, обескураженные, возвращаются домой, Кэй находит визитную карточку на своей подушке. Карточку, полученную от загадочных существ. Переместителей.

УДК 821.111-31

ББК 84(Вел)-44

ISBN 978-5-17-109079-1

© Зерчер Э., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	16
3	25
4	34
5	45
6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эндрю Зерчер

Двенадцать ночей

Моим детям – Ифе, Уне и Имону

Сердце, взмой! Подхватит ветер...

Часть первая

Основа

1

Перемещения

Солнце село без шести минут четыре. Кэй, вытянувшись на полу, читала последнюю страницу газеты – шрифт был очень мелкий. Правый глаз она крепко зажмурила; левый устал безумно, длинные приспущенные ресницы туманили взор, и крохотные слова маячили сквозь пелену. Все чаще ей приходилось закрывать и левый, давая отдых щеке. Все чаще она, наклоня голову вправо, поглядывала искоса на окружающий мир. Но если игра и досаждала ей, она давала вместе с тем и ощущение скромного торжества: с того момента, как она сегодня проснулась – ровно восемь часов назад по ее часам, – она не поддавалась искушению смотреть на жизнь прямо. Спроси ее кто-нибудь, почему у нее сейчас, в сочельник, в четыре тринадцать пополудни, когда мама уже вне себя, а младшая сестра Элоиза играет в задней комнате сама с собой в джекс – в шестиконечные объемные звездочки, – правый глаз по-прежнему зажмурен, она не знала бы, что ответить. Ей попросту необходимо было сегодня держать его закрытым – и она держала.

Напротив ее головы стояло, прислоненное к стене, большое зеркало в металлической раме. Папа еще три месяца назад пообещал повесить его над камином, но оно так и пылилось тут, заброшенное. Кэй с любопытством рассматривала свое отражение в тусклом стекле. В школе учителя без конца твердили про характер, про собственное лицо: иметь его, обретать, показывать и, самое главное, творить. Кэй была убеждена, что у нее никакого лица нет, по крайней мере никакого видимого. Ее никто по-настоящему не замечал.

Папа все еще был на работе – пропадал там, как пропадал каждый день на этой неделе и в каждые выходные в этом месяце. И не только в этом, но и весь год: то он в лаборатории, то в своем кабинете, то уезжал на две недели на раскопки, то сидел в библиотеке, то участвовал в совещаниях – уследить не было никакой возможности. Сегодня после завтрака мама энергично, яростно вытерла столы и пообещала девочкам поездку на велосипедах и поход в кино. Но солнце уже зашло, а их зимние пальто так и лежали у двери, где они их кинули вчера вечером, сапожки так и стояли там же. Кэй услышала телефонный звонок – не папа ли? Видимо, придет поздно, как всегда.

Едва она начала задремывать под тихое похрустывание газеты, на которой лежала ее голова, как в гостиную, стуча, точно молотками, подошвами шлепанцев по деревянному полу, ворвалась мама.

– Так, Кэй, надевай пальто, мы выходим. И сестре скажи, пусть одевается.

Пять минут спустя на заднем сиденье машины, пуская изо рта пар в морозный воздух и нервно хихикая, девочки все еще не имели понятия, куда они едут и зачем. Но по мере того, как двигатель, переключаемый с передачи на передачу, равномерными рывками набирал обороты, их нервозность уменьшалась. Кэй все еще чувствовала маленькую теплую боль в том месте ладони, где сестра только что ее сжимала. Кэй положила эту руку себе на колени. Тьма снаружи казалась резкой и ясной, свет, большей частью белый, из окон домов, которые они

проезжали, был прямым, интенсивным. Но окно машины рядом с Кэй затуманивалось от ее дыхания. Она недовольно перемещала лицо вдоль стекла, наклонялась, тянула шею – без толку. Машина тряско миновала какой-то светофор, затем двинулась по плавной дуге вниз по склону; Элл тем временем елозила ногой по полу.

– Элоиза, прекрати, – сказала мама. – Нам ехать пару минут всего.

– Но у меня что-то в сапоге. Мешает.

Кэй снова повернулась к окну. Она считала круги от фонарей на земле, посеребренной морозом прошлой ночи. Левый глаз, похоже, начал чудить от усталости – или, может быть, это обычное дело, когда глядишь одним глазом, оптика такая? – так или иначе, в центре каждого светлого пятна она явственно видела небольшую тень, тоже круглую. А может быть, просто следы ее дыхания еще не сошли со стекла? Ее подмывало открыть второй глаз для проверки – но если, подумала она, темные кружки после этого исчезнут, что это докажет? Что они там есть или что их нет? Порой, если смотришь на звезду прямо, она не видна, а отведешь взгляд – и она появляется. А звезды точно существуют. Иначе люди не загадывали бы по ним желаний.

И тут она в один миг поняла, куда они едут и почему мама не отвечала на вопросы. Машина замедлила ход и остановилась у знакомых ворот. Кэй напряглась на сиденье, по спине в его уютной, обитой тканью впадине пробежал холодок. Элл, со своей стороны, была явно разочарована. «Не хочу к папе на работу», – заскулила она и для большей угрюмой выразительности стукнула неудобным сапогом по спинке переднего сиденья.

За окошком у ворот сидел ночной дежурный – старый, степенного вида человек, узловатый и жесткий, как связка поленьев, с широкой сутуловатой спиной и белыми, подкрученными верх усами над квадратным подбородком. Кэй никогда его раньше не видела, но, когда он тяжело поднялся со стула, узнала белую рубашку, черные брюки и жилет университетских привратников. Ворота открылись, и он показал движением руки, что они могут проехать к парковочной площадке, но затем, ковыляя, вышел из своей тускло освещенной комнатки, спустился по ступенькам и двинулся за машиной. Он, казалось, угадал, где именно они припаркуются: Кэй заметила, что он направлялся прямо к тому месту, где мама, обогнув несколько парковочных ячеек и дав задний ход, в итоге поставила машину. Он перемещался по-старчески неспешно, но подошел ровно в тот момент, когда они открывали двери. Голос у него был тихий – не грубый и не лающий, как чаще всего бывает у здешних привратников. Может быть, подумала Кэй, он перед дежурством где-нибудь праздновал Рождество. После рождественских празднований люди как-то мягче всегда.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он маму Кэй. Голос был будто фланель – плотный, легкий и теплый, и на Кэй он действовал как добрая протянутая рука. Однако руки привратник держал в карманах, пальцы медленно перебирали там монетки или еще что-то.

Мама Кэй тем временем вытаскивала Элл с детского сиденья, а затем рассеянно взяла в руки ее темно-красный сапожок. По возрасту и особенно по росту Элл была уже слишком большая для детского сиденья, но, когда ей исполнилось восемь, она весь вечер лила слезы, и Кэй с мамой потом тщательно восстанавливали в комнатах – и даже в машине – старое и привычное.

Мама встряхнула сапожок, и на асфальт упала шестиконечная звездочка из набора; мама подняла ее и положила в протянутую ладошку Элл.

– Ничем, благодарю вас, – сказала она привратнику. – Я приехала забрать мужа. Он засиделся, заработался.

– Боюсь, все разъехались по домам, миссис... – Дежурный умолк, и Кэй увидела, как он выгнул кустистую левую бровь, ожидая, что ее мама назовет себя.

– Клэр. – *Потому что она не взяла папину фамилию*, подумала Кэй. Она не «миссис такая-то». – Клэр Тойна.

– Поверьте, миссис Тойна, я не сказки вам рассказываю. Боюсь, повторяю, что все разохались. Здесь только две машины: моя и старого профессора Джексона, он умер в прошлый вторник, упокой Господи его душу; я обошел все корпуса, всюду запер, все закрыто, как положено, свет погашен, и даже мышка не проберется.

Легонько притронувшись к маминой руке, Кэй почувствовала, что ее рука напряжена.

– Я вам верю, – сказала мама, – но он отправился сегодня на работу, это совершенно точно, поэтому мне все равно надо пойти и посмотреть.

– Как, вы сказали, его фамилия? Д’Ос?

Голос привратника звучал мягко, но настойчиво – чем-то он напоминал воркование лесного голубя. Старик переминался на скованных ногах для равновесия. На мгновение Кэй показалось, что левый ус у него чуть приподнялся в улыбке, но затем она передумала. Или, может быть, улыбка пропала.

– Д’Ос. Доктор Д’Ос. Имя – Эдвард. Он научный сотрудник в Сент-Николас. Д’Ос. Занимается проектом «Фрагменты».

– На проекты, честно говоря, у меня памяти нет, – сказал старик. – Одни открываются, другие закрываются... Но людей-то в голове держу, и доктора Д’Оса что-то не припоминаю. – Он коротко вдохнул воздух, поднял ладони к лицу и сильно подул на кончики пальцев, пытаясь их согреть. – Впрочем, я тут кто? Всего-навсего ночной дежурный.

– Нет, вы наверняка его видели, – возразила мама Кэй. – Он тут почти каждый вечер. И ночами сидит.

Привратник сказал ей, что у него в комнате есть телефон и список сотрудников, так что он может позвонить ее мужу в кабинет и тем самым сэкономить ей время. Она запротестовала было, но он уже повернулся и, прихрамывая, двинулся обратно в сторожку. Чуть постояв, они потянулись следом. Кэй взяла маму за руку, мамина ладонь была холодная, но что в этом странного посреди зимы? Они стали ждать у входа в крохотную сторожку – по сути это была застроенная ниша между двумя выступами старого археологического корпуса: кирпичная стенка, односкатная крыша, приятное круглое окошко. К стеклу были приклеены серебряные звездочки, и Элл, показав на них, стала рассказывать, какую рождественскую карточку она сделала в школе с такими же звездочками и с блестками. Она повторила одно и то же три или четыре раза, но никто не отозвался, а потом наконец в дверях сторожки показался привратник. Кэй попыталась взъерошить сестренке волосы, но они были туго заглажены назад – лед, да и только.

– Боюсь, нет его в моем списке, доктора Д’Оса, – сказал привратник. – И в университетском списке тоже нет. Эдвард Д’Ос, так вы сказали? Я хорошо посмотрел.

Мама Кэй тяжело вздохнула и, оставив девочек, вошла в сторожку. Они притихли под окном, но до них доносились только невнятные обрывки разговора. Над парковочной площадкой, где было тихо и почти пусто, возвышалось несколько голых деревьев – совсем юных, четырех- или пятилетних, высаженных через равные промежутки вдоль двух проездов между рядами парковочных мест. Раньше, припомнилось Кэй, тут росла трава, но теперь почти все было заасфальтировано. Ветви деревьев поблескивали под яркими прожекторами на крыше археологического корпуса. Питт – так называлось это здание в честь деятеля прошлых лет. Кэй зажмурила и левый глаз, погружая себя во тьму, и в порядке компенсации крепче стиснула руку Элл.

Когда дверь снова открылась, приглушенные голоса вдруг стали громкими, гулкими в пустоте двора. Клэр Тойна продолжала протестовать:

– ...не понимаю. Вы говорите, список новый, но мой муж точно здесь. Он не один год тут работает. Могу вам показать его комнату.

Кэй слышно было, как привратник берет свое кольцо с ключами, закрывает дверь и спускается с мамой по ступенькам сторожки к парковочной площадке. Глаза Кэй по-прежнему

были закрыты, и, может быть, поэтому она так ясно слышала в замкнутом дворе одиночное отчетливое эхо. При каждом мамином шаге раздавался скрип инея на булыжнике или плитах.

– А как, вы говорите, ваше имя? – спрашивала Клэр привратника в тот момент, когда Кэй с трудом опять открыла левый глаз.

– Рекс. Просто Рекс, – ответил он, поморщившись. Плохо гнуцимися ногами он перешагнул низкий заборчик, огибавший полосу газона, которая шла по краю двора, и двинулся по траве к ближайшему углу, где был вход, а в помещении, на третьем этаже, папин кабинет и лаборатория. Мама бросила на Рекса острый взгляд, словно он выпустил тарантула, но затем как-то безропотно последовала за ним. О дочерях, казалось, совсем забыла. Она ничего больше не говорила, но, когда проходила мимо, Кэй увидела, что ее горло распирает от слов, что оно чуть не лопается. Они с Элл пошли за взрослыми, немного отстав; они держались за руки и смотрели вниз, на мерзлую траву, куда их подошвы слегка, с похрустыванием, вдавливались. У Рекса, заметила Кэй, походка была легкая: мамины новые ботинки зримо и слышимо вминались в траву, а Рекс, хоть и переступал, казалось бы, неуклюже и не без труда, делал это беззвучно и почти не оставлял следов. Кэй слышала только звяканье ключей на большом кольце в его правой руке. На секунду в ярком свете прожекторов она увидела это кольцо очень отчетливо и заметила, что у него замок старинного образца с поворотной петлей, – нечто похожее она когда-то видела у отца в колледже, на двери рукописной библиотеки. Но это кольцо было затейливое. Когда на него еще раз на мгновение упал свет, она разглядела его чуть лучше. Две примыкающие одна к другой металлические части были прихотливо обработаны. Бросая раз за разом взгляды на ходу, она в конце концов поняла, что там изображено: на каждой из двух частей – длинная змея, обвившая меч.

Он, должно быть, служил в армии, решила она. И, наверное, был ранен – потому и хромот.

– Его комната на третьем этаже, – объясняла тем временем мама. – А его имя тут на доске написано – посмотрите...

И тут она осеклась, увидев, как и все остальные, что его имени нет на черной крашеной доске, где оно всегда было, сколько Кэй помнила: одно из имен в перечне сотрудников, официальные белые буквы. Вместо него на доске значилось: ДОКТОР АНДРЕА ЛЕССИНГ. Толкнув тяжелую качающуюся дверь, мама вошла в отделанную камнем прихожую, девочки последовали за ней.

– Что тут делается? – спросила Элл у Кэй резким, взволнованным шепотом.

– Какая-то шутка, девочки, – сказала Клэр Тойна, принужденно улыбаясь. – Шутка, только и всего. – Она вынула телефон и позвонила. – Попробую еще раз в его кабинет, – сказала она. – До этого не отвечал, но, может быть, теперь вернулся?

И тут ее лицо побелело.

– Ждите здесь, – скомандовала она, голос вдруг сделался сдавленным почти до шепота. Она повернулась и чуть ли не прыжками стала подниматься по лестнице.

Кэй посмотрела на кольцо с ключами. Принялась его изучать во всех мелких подробностях, вбирала их в себя одну за другой.

Рекс заметил это, улыбнулся, отцепил кольцо от своего ремня и протянул ей.

– На, погляди, если хочешь, – сказал он, тепло усмехнувшись себе в усы. Он передал ей весь комплект. Ладони у него были большие и узловатые, похожие на ком земли, окружающий корни дуба. Она бросила на них взгляд, беря ключи: неуклюжие ладони, но добрые и по-своему изящные, и, когда он разогнул пальцы, ей показалось, что они пахнут чем-то сладким, спелым, ягодным – может быть, черной смородиной. Но теперь у нее было кольцо. И поразительная коллекция ключей на нем! Даже Элл подошла посмотреть, и это было необычно: чаще всего она старалась не показывать интереса к тому, чем занимается сестра. Кэй перебирала ключи один за другим. Лучшее всех был огромный ключ-вилка с острыми зубцами, сделанный,

казалось, из золота. На нем были вырезаны такие же змея и меч, как на кольце. А еще три серебряных ключа, все чуточку разные, но при этом похожие: длинный стержень и плоская борода, у одного квадратная, у другого круглая, у третьего треугольная. Три других ключа были деревянные, но из твердого дерева, почти как камень, благородно шершавые и золотисто-красчатые. И еще ключи, короткие и длинные, тяжелые, прочные. Всего, наверное, штук двадцать или тридцать.

– Дурацкие ключи, – промолвила Элл и, повернувшись к зеркалу в полный рост, которое висело на стене прихожей, стала рассматривать себя. Кэй и привратник Рекс тоже обратили на нее взгляды. Его щеки опять тронула слабая улыбка: как и Кэй, он понимал, что равнодушные Элл напускное. Сестра была ниже Кэй почти на голову. Если у Кэй была смуглая кожа и каштановые волосы, то у Элл – светлая, почти прозрачная кожа и волнистые рыжие локоны роскошного золотистого оттенка. Папа любил рассуждать о том, что их семья – это четыре разные стихии. «Ваша мама ангел с неба и сама – открытое небо, – говорил он. – Я – плотная, неподатливая земля-труженица. А вы, девочки, – подвижное начало». Кэй он называл водой: тишина, глубина, может быть, холод – но и полнота внутренней текучей жизни. Элл, напротив, огонь с его жаром и непредсказуемостью, сила и творческая, и разрушительная.

Скорее – капризная, подумала Кэй. И невольно улыбнулась.

Потом она посмотрела на привратника-дедушку, и ей пришлось в голову, что надо проявить вежливость.

– Для чего они? – спросила она.

Он все еще смотрел на Элл.

– Ни для чего особенно важного уже сейчас, – ответил он. – Красавица – слов просто нет, – добавил он, обращаясь, казалось, к самому себе. – Ей, держу пари, никакие ключи не понадобятся.

Вприпрыжку, перескакивая через ступеньку в своих темно-красных резиновых отороченных мехом сапожках, Элл начала подниматься по винтовой лестнице. Сапожки достались ей от Кэй и были немного великоваты. В них она выглядела моложе, чем была, казалась неловкой, чуточку хрупкой. На пятой или шестой ступеньке она повернулась и, проказливо улыбаясь, поскакала обратно, ее лицо после наружного холода покраснело и лучилось, полные розовые губы были подобраны оборочкой. Потом с нарочито серьезным видом, словно священнодействуя, она вынула руку из кармана и раскрыла ладонь с тремя объемными звездочками из тех, в которые играла дома. «Бабки» – так их называл папа; это была одна из тех редких игр, что он одобрял, и он часто повторял одно и то же: «Старая-престарая игра, где нужно и умение, и везенье». Элл была признанным мастером джекс и носила титул с гордостью, она умела делать с этими звездочками абсолютно все. Сейчас она подкинула их в воздух, перевернула изящную ладонь с грациозностью танцовщицы, и три звездочки сели ей точнехонько на костяшки пальцев.

Кэй улыбнулась. *Умеет щегольнуть*.

Бывает иной раз так: нечто исключительно красивое случается перед самой бедой. Кажется даже, что беда протягивает руку назад во времени и переиначивает красивое, делает его еще более красивым из-за предстоящего, – так, во всяком случае, все это видится, думала Кэй чуть позже.

Элл удивительно красиво выглядела в тот момент: губы улыбались и при этом были поджаты, в глазах плясали отблески лампы посреди прихожей, искрящиеся рыжие волосы свободно падали сейчас ей на плечи, и вся она горела озорной отвагой. И тут, попытавшись сделать шаг в этих больших, неуклюжих темно-красных сапогах, она споткнулась и упала на пол вниз лицом. Звездочки, слетев с ее вытянутых пальцев, покатались по каменным плитам.

Не успела она заплакать, как привратник Рекс вскочил со скамьи и в одно мгновение оказался около нее. Пружинистый, сильный, он наклонился и подхватил ее. Движение было

сложным, гибким, прыжок и подхват – ну прямо балетными. Кэй и вздохнуть не успела, а он уже снова сидел, надежно угнездив в руках ее рыдающую сестру. Кэй смотрела, потрясенная и вместе с тем околдованная. А Элл – та прильнула к Рексу, грелась в его руках, как у очага.

Он медленно покачивал ее, и постепенно рыдания девочки стихали. Кэй заметила, что стиснула ключи Рекса так, что ладонь побелела, острая железная часть оставила на ней след. Она протянула их Рексу. Звяканье ключей вывело его из какого-то забытья, и он поднял на нее взгляд. Все происходило, казалось, очень медленно. Элл, словно пробудившись, села на его колено и тоже посмотрела на Кэй. Рекс взял ключи. И продолжал смотреть. И тут Кэй это увидела – увидела идеальную гармонию между стариком и девочкой: точно изваянные из цельного камня единой рукой, точно изображенные на холсте в единой цветовой гамме, точно спетые одним голосом, они глядели на нее, повернув головы под одним и тем же углом, одинаково сфокусировав глаза, одинаково разомкнув губы. Все совпадало. Кэй замерла.

– Иногда, – медленно проговорил Рекс, каким-то образом одновременно осуществляя чары до конца и уничтожая их, – нечто исключительно красивое случается перед самой бедой.

Каждый волосок на затылке у Кэй встал дыбом, но не от страха. Слишком добрые у него были глаза – как будто глаза родной сестры. Иногда каким-то образом нечто...

– Твои, надо полагать, – сказал он Элл, перекатывая три упавшие звездочки из своей ладони в ее. Элл посмотрела на них, выбрала одну и вручила ему обратно.

В этот самый момент с винтовой лестницы, прыгая через ступеньку, опрометью сбежала Клэр Тойна. Дальше – мимо них, через двойную дверь и во двор. Рекс поставил Элл на ноги, затем не спеша, степенно, опершись руками на колени, поднялся. Положил звездочку в карман, прицепил ключи обратно к брючному ремню, взял девочек за руки, и они двинулись следом за Клэр так быстро, как он мог. Через несколько минут, надежно пристегнутые на заднем сиденье машины, которую мама, думая только об одном, выводила с парковочной площадки, девочки обернулись. По-прежнему ошеломленные, они посмотрели на старика перед сторожкой. Он выглядел, подумалось Кэй, человеком, состоящим из одной лишь печали, осужденным за преступление, которого не совершал. Его правая рука была прощально поднята.

В колледже Сент-Николас – то же самое. Никто там, казалось, знать не знал Эдварда Д'Оса; на двери комнаты, где Кэй провела осенние каникулы, кисло поглядывая в окно на дневную жизнь, значилось другое имя. То же самое имя, что и на доске у входа в Питт: ДОКТОР АНДРЕА ЛЕССИНГ. Только на этот раз в комнате горел свет, и женщина, открывшая дверь, куда постучалась Клэр Тойна, выглядела такой же удивленной, как они. При высоком росте она казалась хрупкой и какой-то маленькой, ее кости, подумала Кэй, должно быть, такие же тонкие и невесомые, как ее золотистые волосы. Она вся была, как змеями, обвита шальями и накидками.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, – сказала она. – Ни малейшего. Я занимаю это помещение пятнадцать лет. За все время работы в Сент-Никс у меня не было другого помещения. Взгляните сами. – Она отступила от двери и сделала широкий жест, словно обводя комнату тонкими элегантными пальцами. Кэй показалось, что все они похожи на проворных неутомимых змеек – сплошь мышцы и яд внутри. – Тут мои книги, мои вещи, моя работа.

Пока мама Кэй лихорадочно объясняла цель их прихода, позади них нервно переминались на лестничной площадке двое привратников, не зная, следует ли им вмешаться.

– Абсолютно ничем не могу вам помочь, – добавила доктор Андреа Лессинг. – Честно говоря, я как раз собиралась отправиться домой на все выходные.

Она попыталась закрыть дверь, но Клэр Тойна что-то в комнате увидела и твердо поставила перед дверью ногу.

– Я вас не знаю, – обвиняюще проговорила она. Кэй подалась назад, напуганная угрозой в мамином голосе.

– Сожалею, но своей вины в этом не усматриваю, – отозвалась доктор Андреа Лессинг.

– Вы археолог?

Глаза Клэр Тойны рыскали по комнате еще стремительней. Слева от двери стояли книги, и она вгляделась в корешки, пытаясь разобрать названия. Свет был тусклый. Кэй почувствовала, что не очень твердо стоит на ногах, и сильнее уперлась в пол лестничной площадки.

– Я вижу здесь те же книги, что стояли у моего мужа, – сказала ее мама. – Вижу *многие* из тех же книг. Вы работаете над проектом «Фрагменты»?

– Миссис Д’Ос...

– Моя фамилия – Тойна.

– Миссис Тойна, ну право же, мне очень жаль, но у меня нет на все это времени. Да, работаю, но сейчас попрошу вас позволить мне закрыть дверь и отправиться домой к своей семье.

Доктор Андреа Лессинг напирала на дверь. Мамина нога заскользила назад по деревянному полу и уперлась пяткой в порожек от сквозняка. Ступня застряла. Возникла неловкая тишина, и привратники зашевелились, подались вперед, собираясь, похоже, вмешаться. Кэй набрала в грудь воздуха и протянула руку, чтобы тронуть мамино плечо или чувствительное место на локте. Хотела увести маму отсюда. И тут Элл резко выставила руку вперед и схватила Кэй за запястье; ее лицо было яростным, красным.

– Вы знаете про Вифинскую Невесту? – спросила мама самым ровным своим, серьезным, но и отчаянным каким-то тоном.

Кэй про нее знала, как знала коленом удар со всего размаха о большой камень позади дома. Таким же знанием, каким знала ступеньки лестницы к себе в спальню, уютный звук дверной защелки позади себя, спокойную, тихую высь своей постели на втором ярусе. И еще она знала, что доктор Андреа Лессинг, при всей своей видимой subtilности, давила на дверь с нечеловеческой силой: дверь внезапно захлопнулась, заставив маму переступить назад, на левую ногу, а Кэй и Элл – отпрянуть к холодной, с трещинами в штукатурке, стене лестничной клетки.

Клэр Тойна выглядела ошеломленной, ее дочери – не меньше. Привратники были явно удручены и испытывали неловкость. По какой-то непонятной, необъяснимой причине они симпатизировали Клэр, которую они, казалось им, откуда-то знали, хотя понятия не имели, кто такой Эдвард Д’Ос. Идя обратно через Двор Печати, они переговаривались об этом между собой вполголоса. Клэр Тойна, похоже, бросила попытки что-либо понять. Привратники держали дверь калитки в воротах, чтобы девочки смогли покинуть Двор Дерева и выйти в Сорный переулок, где полчаса назад они с мамой рассеянно оставили машину. Осторожными пальцами привратники закрыли за ними калитку – мягко, как только возможно, стараясь, подумала Кэй, не создать впечатления, что их с мамой выставляют. Но ведь их выставили! Как только щелкнул замок, мама Кэй начала плакать. Она не отошла от ворот, не закрыла руками лицо. Просто опустила его. Кэй слышен был только шум вентиляции чуть дальше по переулку, где из кухонь колледжа выкачивался парной, с запахом жарки, воздух. Элл, когда Кэй легонько к ней притронулась, вздрогнула.

– Мам, – сказала Кэй.

– Да, Кэтрин, что?

– Мам, тот первый привратник – Рекс – в нем кое-что странное было.

– Что, Кэтрин?

Мама все еще плакала. Рываний не было, но слезы теперь стекали быстро, тяжело.

– Ну, во-первых, когда мы шли к папиному кабинету – туда, где его кабинету *положено* быть, – и во дворе было совсем тихо, твои шаги по камням были очень хорошо слышны и ты оставляла следы на траве. И мы тоже. Я проверила.

Элл, пинавшая носком сапога булыжник, теперь перестала.

– Да, Кэй, конечно.

Клэр, нашарив в кармане старый бумажный носовой платок, старательно развернула и расправила его. Ее ответ прозвучал раздраженно. Кэй, дожидаясь его, взяла Элл за руку и сжала ее, но Элл выдернула ладонь и сердито посмотрела на сестру, словно предостерегая ее, требуя остановиться. Элл всегда говорила ей, что не надо докучать маме, не надо совать нос в чужие дела.

– А этот старый привратник – ты заметила, что он хромает? Что у него тяжелая походка? Но он не оставлял на траве следов, и что-то я совсем не слышала его шагов по булыжникам.

– Кэтрин.

Клэр Тойна сунула платок обратно в карман, достала оттуда ключи и отперла машину.

– Это меня меньше всего сейчас беспокоит. Происходит что-то ужасное, какое значение имеют следы на траве? Никакого.

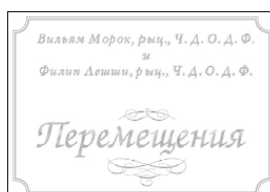
Она выпрямилась и строгим, отвердевшим взглядом посмотрела на дочерей.

– Залезайте.

На заднем сиденье машины Элл, судя по лицу, опять пылала яростью. «Говорила же», – читалось в ее глазах.

Поэтому Кэй умолчала о другом, что было у нее на уме: о падении Элл, о странной доброте и ласковости привратника и о том, что она, показалось ей, увидела в папином кабинете в Сент-Никс – в комнате, которой полагалось быть его кабинетом, но которая была кабинетом доктора Андреа Лессинг. О том, что она успела заметить, когда маму с невероятной силой выталкивала за дверь очень хрупкая женщина. Девочки сидели тихо, и машина медленно, почти неохотно двигалась по пустым темным улицам мимо тянувшихся вверх зимних древесных хребтов – мимо каштанов, боярышника, дубов, буков и, главное, бесчисленных лип, чернеющих даже на фоне уличной темноты. И Кэй не спрашивала про Вифинскую Невесту, и дома они съели холодный ужин, который Клэр Тойна перед отъездом оставила на тарелках. И, видя слезы, которые иногда вытекали из маминых глаз и ползли по щекам, девочки вели себя как надо и ни разу не позволили себе подумать ни об украшенной, но не зажженной елке, ни о деревянном ящичке с рождественскими носками, которые они всегда в сочельник вешали над камином в ожидании подарков. И они ни разу не посмели открыть дверь в папин кабинет, боясь пустоты, которая, Кэй не сомневалась, там царит (она прикладывала ухо к деревянной крашеной двери): пустые полки, оголенный письменный стол, ровно ничего на полу, где всегда громоздились кипами бумаги. Девочки ни разу не проронили ни слова. Почистили зубы, переоделись для сна и выключили свет. И Кэй все время, ничего не говоря, держала правый глаз закрытым, Элл щипала себе пальцы, а Клэр Тойна время от времени стирала слезы с подбородка, чтобы не капали на блузку.

Но, забравшись в свою постель над постелью Элл, Кэй нащупала что-то на подушке. Карточку. Она точно знала, что ничего подобного тут не оставляла. Карточка была маленькая и жесткая, размером примерно с железнодорожный билет, какой ей покупала мама, когда они летом ездили из Кембриджа в Или на пикник. Кэй подняла карточку повыше. Вначале она не могла разобрать, что на ней написано, но в комнате у мамы, где та – необычно для себя – всхлипывала, горел свет, и полоска проникала сквозь неплотно закрытую дверь, поэтому вдруг, когда Кэй повернула карточку под удачным углом, серебристые буквы сделались видны. На карточке значилось:

Кэй была страшно уставшая, а Элл внизу, как обычно, уснула, едва коснувшись головой подушки. От глубокого, ровного дыхания сестры Кэй еще сильнее клонило в сон, и она все более пустым взглядом смотрела на странную карточку, льнувшую к свету в ее слабеющей руке. За считанные секунды до того, как ее левое веко окончательно опустилось, когда рука, державшая карточку в полоске тусклого света, готова была упасть, Кэй, почудилось ей, на миг увидела обратную сторону карточки с тисненым, аккуратной работы серебристым изображением – с той же эмблемой, что часом раньше она, как ей показалось, заметила на книге, лежавшей у доктора Андреа Лессинг на широком письменном столе. Да, она определенно и не раз сегодня видела эту эмблему: змею, обвившую лезвие меча.

– *Исполнено?*

– *Да.*

– *И они не наследили?*

– *Нисколько.*

– *А дети?*

– *Дети?*

– *Кто за них отвечает? Никто?*

– *Но...*

– *Идиот.*

– *Но в письменном приказе...*

– *Вы все как один идиоты. Разве я не употребил старинные слова, чтобы тебе было понятно? Разве я не произнес их тебе на ухо, как в старых сказках, которые ты любишь? Змея должна пустить в дело разящий меч.*

– *Будет исполнено в точности.*

– *Они все должны получить свое – и вороватый лис, и его детеныши.*

– *Все будет сделано по вашему слову.*

– *Смотри у меня.*

2

Автор

Кэй вдруг осознала, что слышала голоса. Было совсем темно – значит, ночь еще не кончилась. Она очень тихо перевернулась на правый бок и напрягла слух. Вначале, все еще сонная, она подумала, что это мама говорила по телефону; но нет, это были негромкие мужские голоса на отдалении – может быть, на первом этаже или в саду. И тут она поняла, опять-таки внезапно: темно потому, что у нее закрыты глаза. Хотя сперва ей немного боязно было смотреть, она все-таки незаметно приоткрыла левый глаз. Та же чернота – но потом ей показалось, что мимо окна проплывает какой-то свет, точно фара автомобиля.

Игра воображения. Наверняка там только луна, ветер. Папа говорил, что воображение у нее *ух* какое. *Дай ей камешек*, говорил он, *и она построит замок*.

– Ох-х...

Это был то ли шепот, то ли резкий шипящий вздох – звук, так или иначе, громкий, отчетливый.

– Не я виноват, что ты такой медлительный. И что мы второй раз за полсуток таскаемся по крышам.

– Обсуждали ведь уже. Как я мог знать, что она возьмет его с собой? Разве это обычное дело – мотаться по городу с чьим-то зубом в кармане? С Габсбургами, признаю, я напортачил...

– С Габсбургами ты напортачил так, что сил никаких нет...

– Сказал же: признаю. Но тут совсем другое дело. Не забрать один зуб и оставить... гм, оставить тело целиком – в своде законов эти оплошности, насколько помню, значатся даже на разных страницах.

– Ты не просто прошляпил тело.

Кэй была уже вся внимание и открыла левый глаз шире. Голоса доносились снаружи, и там был свет – его луч раз за разом пересекал занавешенное окно. *Должно быть, фонарик*, подумала она. Из-за окна слышалась шумная возня, кряхтенье, но потом все смолкло.

– Слушай, тебя же там не было. Как я объяснил трибуналу, это была добросовестная ошибка. В приказе значилось: *эрцгерцог Бартоломео, принц Прусский*, и адрес был – вилла в Вене. Я отправился по адресу, обыскал виллу и опознал перемещаемое лицо. Предъявил ему письменный приказ – все по процедуре. Он, должно быть, знал, что я появлюсь. Я не виноват, что он улучил момент и заменил тело – в смысле, *свое* тело – на тело другого человека. Выглядело оно точно так же и находилось ровно там, где я его, эрцгерцога, на минуту оставил: в саду под шелковичным деревом, завернутое в шелковый халат. До сих пор не понимаю, как он узнал, что я появлюсь.

– Не в этом дело. Ты переместил императора, клянусь музами!

– Да, это немножечко конфузно, готов признать. Но как мне было понять, что это император? Как будто я раньше видел его когда-нибудь вблизи. Император кислых щей. И говорю

же тебе: он ровно там находился, где я оставил эрцгерцога, дремал весь закутанный под шелковичным деревом, ни дать ни взять герцог, чем тебе не эрц. Ну с какого перепугу император будет дремать под шелковичным деревом? Скажи мне, а?

– На нем была императорская корона, Вилли.

– Послушай, Флип. Я чем занимаюсь? Перемещениями. Я не вестник, не законовед и совершенно точно не император. К добру или к худу – главным образом, если честно, к худу, – я занимаюсь перемещениями. Перемещаю.

– Клянусь камнями, Вилли, ты, конечно, мой лучший друг, но башка у тебя дурья. Ох-х!

Опять кто-то закричал, и Кэй услышала шарканье – по черепице, поняла она, по нижней черепице наклонной крыши. Она вздрогнула; голоса звучали близко.

– Так или иначе, эти два случая трудно сравнивать. Мы сейчас быстренько туда, находим зуб, и обратно. Нет ничего проще.

– Когда работаешь с тобой, Вилли, все ох как непросто.

Свет за шторой сделался ярче, и Кэй стало понятно, что они уже прямо за окном. Что-то звякало у нее в голове, как сиплый звонок неисправного будильника. *Зуб?* О чем это они?

Кэй попыталась сесть, но голова, от которой резко отхлынула кровь, закружилась. И тут она вспомнила про карточку, лежавшую на подушке, – теперь она была под подушкой. Кэй вытащила ее и рассмотрела еще раз. Внизу, большими буквами, ясно значилось: *Перемещения*. А это, получается, переместители: Вильям Морок и Филип Лешши. Но кого они собираются отсюда перемещать?

Вдруг ее как волной накрыло: они говорят про папин зуб – про его зуб мудрости, удаленный в прошлом году, который он (неохотно) отдал ей, потому что она попросила. Умоляла его даже. На память. Зуб лежал в левом кармане ее кофты, а та висела – где? – на ближайшем столбике кровати. Кофта была на ней в сочельник. Сегодня. Вчера.

Они были очень близко уже, за стеклом – вероятно, использовали как опору наружный подоконник. Возня, шарканье по черепичной крыше, так отчетливо звучавшее в темном безмолвии дома, – все это прекратилось. В тишине она услышала, как поворачивается ручка окна. Быстро, как могла, протянула руку, пригнулась, чтобы кровь прилила к голове, нащупала карман кофты и достала зуб. Сжав его в правой руке, засунула кулак под подушку. Затем зажмурила открытый глаз и, весьма целенаправленно зарыв голову в мягкий пух подушки, прикинулась спящей.

У каждого места – свои шумы, подобные отпечаткам пальцев. Большую часть времени их, конечно, все пропускают мимо ушей – это может быть еле слышное гудение, а в иные сезоны потрескивание, чуть заметный сквозняк, крылья птиц, мыши или ежи в саду. Зимой в спальне девочек этим характерным звуком был тихий шелест хвойных деревьев в двух-трех шагах от окна: ветки качались на ветру, шуршали, скреблись об угол дома, когда их тревожило какое-нибудь мелкое ночное существо. Кэй лежала, плотно закрыв глаза (не слишком ли плотно? она расслабила веки) и стискивая в правой руке под подушкой отцовский зуб, – и тут глухой привычный шорох как бы распахнулся, снаружи дунуло мимо шторы. Двое чужаков лезли в комнату.

Сердце Кэй застучало.

– Ох-х! – Один из них не удержался на подоконнике и, протаранив штору, всей тяжестью рухнул на пол. Кэй затаила дыхание; мама должна была услышать, а если даже нет – уж Элли-то не могла не проснуться.

– Тс-с-с, – раздался голос от окна. Затем: – Этот зуб действительно так нужен? Может, ну его?

– Флип, мы должны отчитаться за все движимое, что перечислено в приказе Гадда. Если ты намерен чем-то манкировать – ну, не знаю, смотри сам. – Вилли, судя по тому, как звучал

его шепот, поднимался на полу в сидячее положение. – Если уж совсем начистоту, то после всей этой петрушки с Габсбургами я бы предпочел никогда больше не видеть, как гадкие маленькие ноздри Гадда раздуваются от злости на меня... Гм-м, кажется, синяк будет.

– Надеюсь, – отозвался Флип. – Какой был бы интерес тебя толкать, если бы ты никогда не ушибался?

После этого Кэй отважилась снова чуть-чуть приподнять левое веко. Сквозь ресницы, мутящие взор, она увидела зажженный фонарик, который держала рука, высунутая из-за шторы. Он светил в стену напротив нее, луч двигался по стене: Флип начал искать зуб.

– Где она, по-твоему, может его хранить? – спросил Флип, оттеснив макушкой край тяжелой шторы, чтобы поглядеть на Вилли, который все еще сидел на полу и потирал голень.

В тусклом свете Кэй мало что могла различить, но видела, что оба они очень долговязые, прямо-таки растянутые – похожие на искаженно-протяженные тени нормальных фигур, освещаемых от земли.

– Ты бы, может, встал, помог мне, окажи такую милость, – промолвил Флип – а тем временем его невозможная, нескончаемая нога (*паучья*, подумалось Кэй) перемахнула через подоконник и, всколыхнув штору, опустилась на пол. За ней в тесную спальню последовало его длинное туловище. Флип тут же опять повернулся к дальней стене – к книжному шкафу, комоду и кучке игрушек в углу, где их утром оставила Элл. И очень кстати повернулся, потому что Вилли сказал такое, из-за чего Кэй, пусть на секундочку, открыла левый глаз широко-широко, – и, если бы Флип глядел в ее сторону, он бы, конечно, этот глаз заметил.

– В приказе, – громко проговорил Вилли, достав из кармана и развернув смятый лист бумаги, – сказано, что он в левом кармане ее кофты. Или, с очень малой вероятностью, в ее правой руке.

– Кофты? – переспросил Флип.

– Столбик кровати, – отозвался Вилли. И тут луч описал быструю дугу, Флип крутанулся, и у Кэй была доля секунды на то, чтобы снова зажмурить левый глаз. Она задержала дыхание и сосредоточилась на том, чтобы не пошевелить правым кулаком с драгоценным – теперь – достоянием, не сдвинуть его даже на миллиметр. Но напрасно. Весь ее героический самоконтроль пропал зря, театральная неподвижность не сработала. Говоря, Вилли уже смотрел на нее в упор поверх страницы.

Всё в комнате, всё вокруг нее переменялось, чувствовала Кэй.

Всё.

– Флип, – прошептал Вилли, глядя на Кэй взглядом, который она ощущала всем лицом, хотя глаза были плотно зажмурены. – Флип, у нас проблема.

Сердце Кэй уже, казалось, пробило тропу из груди до самого горла. Голову вдруг так расперло, что она едва слышала их продолжающийся разговор.

– Главная наша проблема – ты, – сказал на это Флип. – Ну, что у тебя еще?

Несколько секунд было совсем тихо, и Кэй смутно слышала, как елка за окном скребется о водосточный желоб.

– Нас засекли, – произнес Вилли так же тихо и сдержанно. – Не волнуйся, девочка, все в порядке, можешь открыть глаз, – сказал он. – Мы не кусаемся.

– Но я же читал приказ. Там ничего не говорится о ее свидетельских способностях, – по-ястребиному свирепо прошептал Флип, подходя к Вилли и забирая у него бумаги. Он поднял Вилли на ноги и начал проглядывать приказ. – Не-а, – сказал он, ведя пальцем по странице. – Сплошное «нет». Ни могущества, ни истории, ни прорицательских, ни свидетельских способностей. Чиста абсолютно. По биографической части – нуль. Она не может нас видеть. Не может видеть такими, какие мы есть.

– Она прекрасно может нас видеть, – возразил Вилли, глядя на Кэй. Он был такой высокий, что его голова, слегка наклоненная под скатом косого потолка, находилась на одном

уровне с ее головой на верхнем ярусе кровати. Он наклонил ее еще больше на сторону, чтобы оказаться с Кэй лицом к лицу.

– Привет, – промолвил он приятным тоном, растягивая лицо в улыбке. – Привет, маленькая свидетельница. Поглядим-ка на тебя.

Кэй, видя, как из темноты к ней вдруг потянулись его загибающие руки, съежилась и подалась к стене, но противиться было бесполезно: он был силен под стать своему росту, и скомканная постель не помешала ему в один миг привести ее в сидячее положение. Правую руку она зарыла в пуховое одеяло позади себя, почти села на нее.

– Ага. Похоже, мы добрались до этого зуба, – бросил Вилли, обернувшись через плечо. – В руке у нее, как и сказано в приказе.

Кэй неплохо рассмотрела его в непрямом свете фонарика, который Флип направил на страницы приказа, пробегая их глазами. Вилли был очень высок и широк телом, но, если вглядеться повнимательнее, на удивление тощ. Его плечи, казалось, пропускали свет. Шея тоже, на первый взгляд, была обычной шеей, но, если посмотреть на нее в упор, внезапно начинала растягиваться, или скручиваться, или сжиматься – или бог знает что еще. Кэй не могла этого определить. Одет он был во что-то длинное – то ли в плащ, то ли в халат, то ли в балахон – и подпоясан толстой веревкой. Рукава расширялись к запястьям, как рупора, но сами эти запястья были такими же худыми и прозрачными, как все в нем, его руки словно бы терялись в пещере одежды. Но силы у него, подумалось ей, очень много: он как пушинку поднял ее и посадил на кровать. И, вновь обратив внимание на его лицо, она вдруг заметила, что у него странная манера смотреть на тебя в каждый момент только одним глазом – или, может быть, обоими, но по-разному. Сейчас он очень пристально разглядывал ее левым. Он наклонился вперед и положил подбородок на край матраса, засунув под него кисти рук с изящными длинными пальцами.

– Ну, – произнес он очень мягким, вкрадчивым голосом, – давай-ка ты отдашь нам зуб, хорошо? Потому что я, со своей стороны, очень хочу отправиться домой и хоть немного отдохнуть.

Кэй покачала головой – сначала медленно, потом энергичней.

Улыбка Вилли сошла на нет, и он шутливо нахмурил брови.

– Не отдашь?

Он сделал недовольную мину, выпятив нижнюю губу.

Кэй снова покачала головой.

– Говорит, не желает отдавать зуб, – сказал Вилли через плечо.

Флип все еще изучал приказ, страницу за страницей, ведя по написанному пальцем, и, казалось, не был способен ничего слышать, кроме своего бормотания.

Вилли опять повернулся к кровати.

– А почему? Неужели ты не хочешь, чтобы я немного отдохнул?

Он вновь попытался улыбнуться.

Кэй таращилась на него. Она не была уверена, что сможет заговорить, даже если пожелает. В горле было так сухо, словно оно внезапно превратилось в пакет из оберточной бумаги.

– Дело просто-напросто в том, что этот зуб чрезвычайно важен для моих карьерных перспектив, – сказал Вилли, кивая. – Если я не доставлю его начальнику, меня могут, знаешь ли, уволить. – Он покачал головой. – И кем я тогда стану? Выдумщиком сказок? Вруном на вольных хлебах? Не лучший род занятий. – Он умолк на секунду, вскинув тонкие надломленные брови. – Этически весьма сомнительный.

– Вилли. – Взгляд, который Флип поднял от бумаг, был отчаянно-отрешенным. – Они не все тут. Бумаги. Приказ. Должна быть еще одна страница. Видишь – тут, внизу... сказано, восемнадцатая из девятнадцати, а дальше ничего нет. А должна быть. Где последняя страница, Вилли? Не хочу слышать, что ты ее потерял.

Говоря, Флип торопливо подошел к кровати, засунул с обоих боков руки в карманы балахона Вилли и начал там лихорадочно рыться.

Вилли скованно выпрямился теперь с обреченным и каким-то безропотным видом, его лицо вдруг осунулось и стало морщинистым, он далеко запустил ладони в другие свои карманы. Металлическое звяканье, бумажное шуршание и множество других странных звуков слышны были Кэй, когда четыре руки шарили в карманах, которым она потеряла счет, которые уходили, казалось, намного глубже, чем могла позволить заурядная подкладка.

Руки Флипа утонули в них по локти – и тут Вилли внезапно просветлел лицом.

– Вот, кажется, нашел.

Это был лист бумаги, многократно и очень толсто сложенный в квадратик. В тусклом свете Вилли принялся аккуратно расправлять бесчисленные сгибы и складки.

– Ну да, вспоминаю теперь, – сказал он, развернув лист до конца, приложив его к боковине кровати Кэй и мягко разглаживая морщины. – Как только Гадд дал мне этот приказ, я страшно расчихался и...

– Дай-ка сюда.

Флип нетерпеливо выдернул лист из рук Вилли и принялся читать.

Вилли состроил, глядя на Кэй, гримасу, означавшую: *Фу*. Она едва не хихикнула.

– Ох, нет... Вилли, я просто не могу. Смилуйтесь надо мной, кому там положено. Ты беда ходячая, вот ты кто.

Быстро схватив левой рукой угол одеяла, Кэй натянула его себе на колени и укутала плечи. Воздух в комнате сделался неприятно холодным, штора из-за открытого окна по-прежнему колыхалась. Кэй забилась в дальний угол кровати, пряча позади себя правый кулак, ощущая ладонью неровности отцовского зуба. Эта ладонь была липкая и жаркая, а все остальное тело, наоборот, мерзло. Холод, подумала она, наверняка разбудит Элл, которая и без того всегда спит чутко. Вилли снова стал пристально на нее смотреть – точнее, высматривать ту часть правой руки, что она спрятала за спиной, – а Флип продолжал тем временем возбужденно читать и бормотать.

– Боюсь, ты мне не поверишь, – сказал Флип со вздохом, поднимая глаза. Кэй увидела такое же, как у Вилли, костлявое лицо, такие же высокие брови, и взгляд был такой же странный. – Давай-ка поэтому прочту тебе дословно.

– Если это означает, что Гадд опять будет терзать меня с помощью своей носовой мускулатуры, то лучше не надо.

Вилли мягко опустил правую щеку на матрас и прикрыл левый глаз. Хотя брови у него были черные, волосы, заметила Кэй, отливали серебром в тусклом свете фонарика.

– Нет, к сожалению, придется тебе выслушать. Это специальный пункт приказа, после описи вещей, подчеркнутый двойной чертой. Написано Гаддом собственноручно. *Обратить внимание*, он пишет. *Перемещение из дома должно осуществляться в отсутствие семьи перемещаемого лица. Ни в коем случае не пытаться забрать перемещаемое лицо или движимое имущество при них. Не приближаться к ним, даже если они спят.* Слыхал, Вилли? Нам вообще не следовало тут находиться сейчас. Ох, смилуйтесь надо мной, девять сестричек, я просто поверить не могу. – Он приумолк и сделал глубокий вдох. – Но это еще не все. Дальше самое-самое. Ты будешь в восторге, – сказал Флип, поднимая глаза, где никакого восторга не читалось, и вперяя их в сгорбленную спину Вилли. – *Дочь перемещаемого лица – автор.* Она не свидетельница, дубина ты бессюжетная, она автор.

Только теперь, только когда он кончил, до Кэй дошло, что Вилли принялся было чуть слышно напевать себе под нос, – песня была живая, бодрая. Но последние слова Флипа заставили его прекратить, и в комнате воцарилось безмолвие. Даже еловые ветки за окном не шевелились в этой пустоте.

– *Автор*, – тихо повторил Флип, и его рука с фонариком безвольно упала, так что теперь был освещен, и очень ярко, только маленький участок ковра перед его левым коленом. Кэй с облегчением вновь погрузилась в почти полную темноту, с которой можно было слиться. Сердце перестало так сильно стучать, и жестокая дрожь, заставлявшая ее кутаться в одеяло, отступила. Вдруг оказалось, что она легко может глотать и в горле уже нет комка, мешавшего говорить. Чем она и воспользовалась.

– Простите, можно вас спросить? – промолвила она. И, более застенчиво: – Кто вы?

Вилли опять оперся на матрас подбородком, его левый глаз открылся, и он уставился из мрака прямо ей в лицо. Серый цвет его радужных оболочек был неисчерпаемо глубоким, неизбытым, и в слабом свете морщины, расходившиеся от уголков глаз, зияли, как трещины.

И правда – трещины. *Не упасть бы в какую-нибудь из них*, подумалось Кэй.

– И что это значит – я автор, объясните, пожалуйста.

– Нам придется ей все рассказать, – сказал Вилли Флипу, продолжая смотреть на нее внимательно, но по-доброму. И потом, помолчав, он очень тихо продолжил: – Автор. Надо же. Я и не думал, что когда-нибудь снова увижу автора.

Флип, который стоял, сгорбившись, на коленях, теперь медленно, словно преодолевая крайнее утомление, встал на ноги. Он поднял фонарик, комната вновь осветилась, и Кэй, когда он поворачивался и, насколько позволяла небольшая сутулость, расправлял плечи, всматривалась в него. Он переложил фонарик в правую руку, подошел к Вилли, встал рядом, приобнял его левой рукой за плечи, а потом поднял фонарик на верхний ярус кровати и положил в ногах на угол одеяла, направив свет на заднюю стену.

– Меня зовут Флип, – представился он, – а это Вилли. Мы духи.

Кэй смотрела на них, затем попыталась сглотнуть еще раз.

– Это я уже знаю, – сказала она. Они оба вздрогнули. – В смысле, как вас зовут. Потому что я проснулась, когда вы еще по крыше лезли. Я слышала, что вы говорили, – объяснила она. – Но я не понимаю, что вы тут делаете, зачем положили мне эту карточку, зачем вам нужен папин зуб. И так далее. И закройте, пожалуйста, окно, пока мы с Элл не простудились.

Левой рукой она протянула Вилли карточку, а Флип тем временем шмыгнул у него за спиной к окну, закрыл его и вернулся.

– Флип, нам надо представиться как следует, – сказал Вилли. Флип медленно кивнул, глубокомысленно поджав губы. – Итак, слушай: я – Вильям Морок, дух, профессионально занимаюсь перемещениями, член Достославного общества духов и фантомов. – Он отступил на шаг и поклонился. – А это мой друг Флип Лешши, тоже член Достославного общества, и тоже, ясное дело, подвизается по части перемещений. Нам поступил приказ от Распорядителя нашего Достославного общества – приказ с самого верха: переместить твоего отца. Мы взялись за дело с утра, движимым имуществом кончили заниматься вечером, но не смогли забрать один предмет из списка – зуб, который ты, похоже, прячешь в кулаке вон там, за спиной, – и поэтому нам пришлось вернуться, чтобы мы могли отчитаться за все. В обычном случае это ровно никакой трудности не составило бы, но, поскольку ты автор... – Он вновь споткнулся на этом слове, и на несколько секунд его дыхание участилось. – Поскольку ты автор, – повторил он, – ты услышала нас, проснулась, подключилась к происходящему, и теперь, в общем, нам надо с тобой разбираться.

Кэй перевела взгляд на Флипа, который легонько кивал, наклонив голову к плечу. Вдруг он быстро сунул руку в один из карманов своего балахона – похоже, подумал или вспомнил о чем-то.

– Она точно у меня где-то была, – сказал он. И, пошарив еще, вытащил черную глазную повязку вроде пиратской и протянул ей. – Тебе, может быть, пригодится на время, пока глаза не привыкнут. Так щеке будет легче.

Слегка наклонясь вперед, Кэй опасливо взяла ее у него и тут же вновь откинулась назад и прижала правую руку к стене. Устроившись, посмотрела на повязку у себя на ладони, где она лежала темным пятном в еще более темной тьме.

– Вилли, – сказал Флип. – Что-то мне подсказывает, что этой повязка не понадобится.

Вилли не пошевелился и не оторвал от Кэй взгляда, но вдруг показалось, что он смотрит ей в глаза так, словно она – рассвет, которого он ждал всю ночь.

– Да, – согласился он. – Да. Пусть повязка будет у тебя, если хочешь, но сейчас попробуй открыть оба глаза. Просто... – Тут он перекрестил руки на груди, а потом развел их в стороны, сотворив подобие распускающегося цветка и точно охватывая всю темную комнату вокруг них. – ...просто попытайся смотреть на мир *непринужденно*. Или нет, не пытайся – просто позволь этому произойти. Смотри двумя глазами, как одним.

Кэй расслабила все мышцы лица, давая векам мягко опуститься. Облегчение было таким, что чуть ли не больно стало. Закралась мысль: может быть, это уловка, может быть, духи вознамерились украсть зуб, пока ее глаза будут закрыты? На секунду она напряглась. Но легкость в лице была слишком приятна, чтобы от нее отказаться. *Непринужденно*. Она открыла глаза.

Духи по-прежнему были тут. Кэй моргала так быстро, будто веки были не веки, а крылья бабочек.

– Теперь ты, по сути, одна из нас, – промолвил Вилли. И тут же, изменившись в лице, торопливо добавил: – Сударыня.

Кэй глупо гладела на них, не зная, что сказать. Мама всегда учила ее быть откровенной и не тратить слов попусту. Она решила сразу перейти к делу.

– Что это значит – разбираться со мной? Для чего вам нужен этот зуб? Куда вы отправили папу?

Ответил на этот раз Флип.

– Видите ли... сударыня, – он быстро и, кажется, вопросительно взглянул на Вилли, – дело обстоит ровно так, как мой коллега говорит. Мы получили приказ переместить вашего отца и выполнили его; а когда перемещаешь кого-то, приходится и все движимое забирать, все предметы, имеющие к этому лицу отношение, надо, чтобы ни следа от них не осталось там, откуда совершается перемещение. Иначе они продолжают... в общем, так положено. И у нас имеется полная опись его движимого имущества, – тут он потряс перед Кэй первыми восемнадцатью страницами приказа, который он так усердно изучал, – но мой *глубокоуважаемый* сподвижник, – Флип демонстративно повернулся к стоявшему рядом Вилли и по-фиглярски высунул кончик языка, – ухитрился вечером по ходу дела одну вещьцу прошляпить. Зуб. Вот почему мы здесь.

Они явно не привыкли, подумала Кэй, объяснять людям свое поведение. Она заметила, что не так сильно теперь сжимает край одеяла, и слегка изменила положение тела, чтобы стало удобнее. Села чуть повыше.

– Не каждый день, – продолжил Флип, – дух, выполняя задание, натывается на свидетеля, но, когда это происходит – это произошло, ты помнишь, с моим двоюродным братом Хинкипанком не далее как в прошлом году, – он повернулся к Вилли, и тот энергично и очень сочувственно закивал, – когда это происходит, необходимо переместить и свидетеля. Потом им занимается Распорядитель.

Кэй более нервным взглядом теперь на них посмотрела. Она по-прежнему понятия не имела, что это за «перемещения» такие и кто такие «авторы», и готова была уже спросить, когда Флип внезапно ее опередил, поспешно добавив:

– Но, разумеется, мы не можем перемещать *вас*, сударыня, поскольку вы автор и все такое. Он лучезарно улыбнулся и посмотрел на Вилли. Тот выглядел озадаченным.

– Не можем? – переспросил он.

– Нет, не можем, – отрезал Флип.

Кэй резко вмешалась:

– Но что такое...

Тут, однако, совсем уж неожиданно, Элл внизу громко зевнула, пробормотала что-то нечленораздельное и сонно повернулась на другой бок. Они все про нее забыли. В лицах обоих духов мелькнула паника, но тут же прошла, тревожиться продолжала одна Кэй, боясь, что Элл проснется и ее захотят переместить.

Флип, снова спокойный, похоже, понял без ее слов, что ее волнует.

– Не переживайте. Согласно письменному приказу, в котором ошибок быть не может, ваша мама и сестра не могут ни видеть нас, ни слышать – в смысле, *по-настоящему* видеть нас такими, какие мы есть. Если бы они получили нашу визитную карточку, они ее не заметили бы. Подумали бы, что это пустая бумажка. Если бы они наши голоса услышали, это было бы для них завывание ветра. Натолкнулись бы на нас – убедили бы себя, что мы какие-то совсем другие люди или, может быть, что мы им просто привиделись. Весь фокус в том, как человек смотрит на окружающее – или, вернее, какой взгляд на окружающее ему навязывают. – Длинным изящным пальцем он постучал по виску около глаза. – Только свидетели могут нас видеть по-настоящему.

– И авторы, разумеется, – добавил Вилли.

– Кто вы такие? – раздался заспанный голос Элл с нижнего яруса.

Вот теперь, почувствовала Кэй, духи были действительно ошарашены. Они выпрямились так, что стукнулись головами о потолок.

– В приказе что-нибудь об этом было? – спросил Вилли.

Флип покачал головой. Очень медленно они позволили глазам опуститься к нижнему ярусу кровати; затем наклонили головы и согнули спины; и вот уже они оба, сложившись пополам, пристально разглядывают Элл. Она терла правый глаз правым кулачком. Ее светло-рыжие локоны, обрамляющие круглое пухленькое лицо, мягко покачивались, да и вся она легонько покачивалась из стороны в сторону, еще не до конца пробудившись от глубокого сна. Она еще раз зевнула и приподнялась на локте.

– Вы к маме в гости пришли? – спросила она, глядя то на одного, то на другого. – Папа вернулся? А Кэй здесь?

Кэй была здесь; точнее, она уже спускалась со второго яруса по лесенке и пару секунд спустя оказалась подле младшей сестры. Правую руку с зубом она надежно, как и раньше, зарыла в пуховое одеяло позади Элл и себя.

– Это, – промолвил Флип, – неожиданно до самой распоследней степени.

– Это попросту жуть наводит, – поддакнул ему Вилли.

– Если мы отправимся с вами, – быстро спросила Кэй, – мы сможем вернуть сюда папу?

Флип замотал головой и начал было рассуждать о том, что перемещения необратимы, но Вилли его оборвал:

– На этот вопрос тебе сумеет ответить только Распорядитель Гадд. Но я уверен, что он будет рад поговорить с тобой на эту тему. И мы можем доставить тебя туда очень быстро. Или вас обеих.

Флип запротестовал:

– Вилли, она ребенок, и это сутки полета, а Гадд...

– Нет, Флип. За все годы мы ни разу, встретив автора, не оставляли его на месте – а этот автор особенный, не будь я фантом, если вру.

– Что такое фантом, – выпалила Кэй. Прозвучало даже не вопросительно.

– Дух. Явление, – сказал Вилли. – Являющееся нечто или являющийся некто. Некто и здешний, и нездешний.

– Значит, вы не тут на самом деле?

– Нет-нет, я тут, – ответил Вилли.

– В отличие от меня, – сказал Флип, раздраженно крутанув головой. – Я пошел.

Он двинулся к окну и просунул свое длинное тело между двумя шторами. Потом стало слышно, как он съезжает по короткому скату крыши и спрыгивает на землю. Дальше – его хрустящие шаги по мерзлой траве.

– Прекрасно, – решительным тоном промолвила Кэй. – Мы отправляемся. Но зуб будет у меня.

– Какой зуб? Куда отправляемся? – спросила Элл. – Куда мы, Кэй?

– Искать папу, – ответила ее сестра. В этот миг порыв ветра бешено стукнул отпертой створкой окна о металлическую раму, а потом, с новым порывом, она опять распахнулась в ледяную, черную ночную ширь.

– *Давайте его сюда.*

– *Сию секунду.*

– *Не позволяйте ему говорить. Баек нам сегодня не надо. Туже затяните намордник.*

– *Сделано.*

– *Глядите же, все глядите, что бывает, когда посвящают жизнь наивным надеждам и глупым мечтаниям. Глядите, как время висит на нем изорванной тряпкой. Грязь времени запеклась на его коже коркой. А если его резануть – смотрите, все смотрите на его кровь. Нет ничего такого же хлипкого, как кровь, такого же хилого. То она вверх, то она вниз. Ее страсти непредсказуемы. Она охмуряет ум видениями. Она привязывает сердце к своим диким фантазиям. Кровь – это немошь.*

– *Но рана...*

– *Она не смертельная. Свяжите его, ты и ты, и отведите в Фантазиум. Мне весело будет думать, как он лежит там, слабый и почти забытый. Если я стану о нем думать.*

– *Сию секунду.*

– *Пусть это вам послужит уроком.*

– *Послужит.*

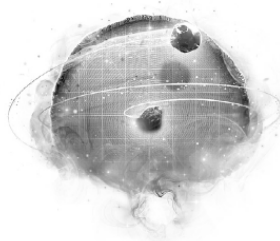
– *Погодите. Напомните мне. Как его называют наши недруги?*

– *Они называют его Зодчим.*

– *Да, именно так. Зодчим. Пускай же возводит в Фантазиуме все замки, какие сумеет. Туже его, туже.*

3

Вифинские рыцари

Через несколько домов от их дома узенькая дорожка меж двух живых изгородей упиралась в деревянный забор с лесенкой для перехода, а дальше начиналась плоская пустошь, и Кэй с Элл, не поспевая за размашистым шагом двух духов, двинулись по мерзлой стерне. До этого, пока медленно шли двором, а потом, в конце дорожки, через колючий грубый кустарник, Кэй то засыпала на ходу, то пробуждалась, но теперь острый морозный воздух пустоши ударил по ней, взбудрил, обострил внимание, и она обернулась, чтобы дать сестре руку. Элл все еще слегка спотыкалась, ковыляла на нетвердых ногах после неловкого прыжка с низкой крыши сбоку от заднего окна. Кэй дергала ее вперед. Перебираясь через забор по скользким ступенькам, она думала, что совсем потеряла духов из виду; но потом впереди что-то полыхнуло – низкое оранжевое пламя, так оно выглядело, – и она услышала нетерпеливый голос Флипа:

– Поторапливайтесь! Нет времени! Скоро рассвет!

Только когда они подошли ближе и темное небо, казалось, поглотило их полностью, она поняла, что они вступили в тень чего-то огромного.

– Быстренько! Забирайтесь в корзину, – сказал Вилли, протягивая руку.

Новая внезапная вспышка оранжевого огня осветила все происходящее. Кэй ощутила прилив волнения и ужаса: духи держали у мерзлой земли на привязи гигантский тепловой аэростат, и его колоссальная оболочка возвышалась над ними в промозглом зимнем предутреннем воздухе. Кэй не могла отвести глаз от пламени горелки, рвущегося в нутро воздушного шара, от его необъятной округлой громады наверху. Элл встала как вкопанная и тянула ее за руку обратно.

Флип, наоборот, был весь движение: он суетился вокруг аэростата, вытаскивал из земли колья, к которым была привязана корзина. «Нет же времени, нет же времени», – слышалось его лихорадочное бормотание, перемежающееся с сосредоточенными усилиями, когда он тащил вверх длинные металлические колья или давил на ручку какого-то сложного на вид приспособления, которое снял с крюка на борту корзины.

– У нас действительно мало времени, – настойчиво проговорил Вилли – теперь уже из запредельной темноты, воцарившейся, когда погасла горелка. Элл по-прежнему рвалась назад. – Нам надо набрать высоту до рассвета, а то нас заметят. Ну же, лезьте, – сказал Вилли, подавая девочкам уже обе руки поверх края корзины, – я вам помогу. Тут очень много места.

Заклучив Элл в теплые объятия, зарыв ее лицо в мягкую, с начесом ткань своей одежды, Кэй пообещала сестре, что позаботится о ней. Потом подняла ее, передала Вилли, легко забралась в корзину сама, уселась на твердом полу и закрыла глаза, защищаясь от быстро прибывающего света, в котором – поверни она голову – она различила бы конец их дорожки, бледные предрассветные очертания домов, фонари – один, другой, третий, – идущие цепочкой туда, где все еще спит в теплой постели мама. Рождественское утро – поверни она голову. Кэй стиснула зубы. Она слышала всхлипывания Элл, а потом ощутила ее тяжесть: сестра уткнулась ей

в правую подмышку. Флип, должно быть, опять зажег горелку: она почувствовала лицом жар и свет от мощного пламени, услышала поток газа. И слышно было, как он крутит лебедки, подтягивает бесчисленные тросы и канаты, крепит их множеством специальных планок. Потом – внезапный толчок, и поблизости раздался возглас Флипа: «Почти!» С треском, с великим кряхтением двое духов водрузились на свои места в корзине. После этого – тишина.

Несколько мгновений Кэй не ощущала ничего, кроме напряжения, охватившего весь аэростат: огромному шару наверху не терпелось взмыть, оторваться от холодной земли, горелка нагнетала в его оболочку жаркий, заряженный энергией воздух, толстые, древнего вида деревянные доски, составлявшие дно корзины, трещали и, приснащенные к земле последними натянутыми тросами, казалось, еле выдерживали подъемную тягу строп. Всего несколько мгновений.

Кэй только тогда заметила, что затаила дыхание, когда задержанный воздух с силой вырвался из груди – когда аэростат, отшвартованный наконец, резко пошел вверх. Элл, прижавшись к ней сбоку, плакала в голос и вся дрожала. Или, может быть, это трепыхалась сама корзина: ее сотрясло, потом подбросило кверху, стропы дали слабинку, потом она выровнялась, и стремительный взлет в небо сопровождался тошнотворным креном и качкой всего аэростата. У Кэй то и дело перехватывало дух. Она опять крепко зажмурила глаза, уперлась ногой во что-то твердое и притиснулась спиной к деревянной стенке. А потом, после очень напряженного отрезка времени, который показался сплошным, единым, после отрезка, когда невозможно было понять, поднимаются они или падают, она почувствовала, как ее колени накрывает что-то теплое. Она отважилась приоткрыть один глаз.

– Вот, натяните до подбородков, – сказал Вилли, кутая их, съезжившихся на досках под нависающим верхним ободом корзины, в тяжелое одеяло. Воздух, который даже в этом укрытом месте порывами налетал на их лица, был страшно холодный – такой же ледяной, как вопросы, лежавшие без движения у Кэй во рту. Она быстро завернула себя и Элл в одеяло до самых глаз, обняла сестру одной рукой. Вопросы пусть подождут.

Ее успокаивал вид двоих духов, которые стояли в корзине немного поодаль и разговаривали о чем-то уютном, – голоса доносились, но слов не разобрать. Ни тот, ни другой не улыбался, но от их щек веяло самообладанием, в глазах светилась приподнятость и живое внимание, и это превращало невнятные звуки их беседы в танец гостеприимных возможностей. Элл притихла, а потом и уснула в полукольце ее руки, а Кэй все глядела и глядела на Вилли и Флипа: у первого – живые, проворные руки и ноги, и весь он пружинистый, гибкий как лук, а второй посolidней, помассивней, но тоже подвижный; если Вилли – парящая пиния, то Флип – каштановый комель. Корзина между тем поднималась, вначале быстро, но затем, когда подача газа уменьшилась, гораздо медленнее, потоки воздуха качали ее, подхватывали, несли на восток. Когда с креном и качкой взлета было наконец совсем покончено, Кэй приподнялась, села на корточки, аккуратно подоткнула вокруг Элл одеяло и встала на ноги.

Дневной свет быстро прибывал – или, может быть, светлей становилось просто от подъема в небо. Так или иначе, вся корзина вокруг нее внезапно окунулась в рассвет. Везде, куда ни посмотри – всевозможные инструменты и оборудование: гаечные ключи, рукоятки, молотки, колотушки, огнива, толстые металлические прутья, длинные колья, обручи, бухты каната и веревки примерно двадцати разных диаметров, запасные крючья и карабины, металлические крепежные планки, бледно отсвечивающие при вспышках горелки, застежки, шпингалеты, кольца, связка ключей, ведра с песком и, конечно, мешки с балластом разных размеров. Кэй видны были натянутые канаты, перекинутые через борта корзины; на них висел балласт, который Флип за короткое время после взлета уже успел перебросить. Представив себе мешки, раскачивающиеся под корзиной, а потом падающие на землю, Кэй подумала про высоту, которую они набрали, и ей вдруг стало нехорошо. Дом остался внизу, далеко позади. Рождество. Она вновь повернулась к центру корзины, уперлась взглядом в пол, а затем постаралась сосре-

доточиться на мелочах: на сандалиях Флипа с узорным переплетением кожаных ремешков, на небольшом деревянном кабестане – вертикальном вороте – с железными ручками-стержнями, на компактной приборной панели перед Вилли, свисающей с главного кольца в самой середине. Кэй видны были диски, похожие на циферблаты, – они, догадалась она, сообщали сведения о высоте, скорости и направлении полета, о том, где они находятся. Там было несколько рычагов, а еще длинная серая трубка с важной насадкой, над которой постоянно хлопотал, регулируя ее, Флип и которая, предположила Кэй, обеспечивала подачу газа для основной горелки, зажигаемой от запального огня.

Так и есть, подумала она, увидев оранжевую вспышку. Кэй отскочила бы, будь там куда отскакивать. Флип встретился с ней взглядами и улыбнулся.

– Хочешь увидеть океан? – бодро спросил Вилли.

Сделав пару неуверенных, чуточку шатких шагов, она приблизилась к двум духам, стоявшим у деревянного края, и присела из осторожности – так, чтобы над корзиной возвышались только плечи и голова. Убедившись, что стоит устойчиво, она выглянула наружу.

Впереди – какое это направление? – немного к северу от востока, так говорил ей папа, – она увидела солнце, увенчивающее горизонт. Суша там или море, трудно было понять из-за разлившегося сплошного сияния; но ближе, почти под ними, точно было море, бледное и серо-зеленое с чистой белой опушкой прибоя, накатывающегося на узкий песчаный берег Норфолка. Справа, слева и сзади – темные травянистые пустоши, посеребренные морозом и утренним туманом. Среди полей виднелись маленькие домики, порой могла показаться вереница оранжевых фонарей, которые догорали и дружно гасли. С левой стороны Кэй видела бледнеющие с рассветом огни небольшого городка, тут и там из труб шли угольные дымки – так ей по крайней мере казалось.

– Куда мы летим? – спросила она через некоторое время. – В другой мир?

Вилли стоял подле нее, наклонившись над бортом, расставив локти и положив подбородок на длинные сплетенные пальцы. Смотрел не на нее, а в необъятную ровную даль, на северо-восток, где солнце отрывалось от горизонта, обретавшего четкость. Его молчание длилось долго, но Кэй знала, что он ее слышал, и держала рот на замке. К тому времени, как он ответил, ей под левую руку уже робко тыкалась голова Элл. Девочки внимательно слушали, а между тем земля и море под ними разворачивались во все стороны, делались отчетливо зримы. Доносился шум волн.

– Насколько я знаю, – заговорил Вилли, и намек на улыбку тронул уголки его рта, – мир только один, вот этот самый. Нет, – продолжил он медленно, словно говоря с самим собой, – дело не столько в том, *куда*, сколько в том, *как* мы туда направляемся.

Бросив взгляд на Кэй, у которой, вероятно, был озадаченный вид, он принялся задумчиво и звучно постукивать пальцами по верхнему ободу корзины. Кэй наблюдала за ним. Он смотрел словно бы вдаль, но так, будто видел нечто – нечто висящее в пустом пространстве вокруг аэростата. Его взгляд устремлялся туда и сюда, порой останавливался на секунду, но в целом движение его глаз непредсказуемостью своей напоминало прихотливый полет бабочки в летнем саду. Его взгляд по-птичьи то парил, то пикировал. Он, казалось, притрагивался глазами к тому, на что смотрел, – до того бережно и осознанно зрачок поворачивался, останавливался, фокусировался и сохранял свое положение.

Море под ними было изменчивым узором морщин и штриховки, было голосом гулко-го безмолвия из глубины гигантского колодца. Элл молчала, но высвободила руку из-под одеяла, которым все еще были окутаны ее плечи, и, прижавшись к сестре, обхватила ее за талию. Кэй ощущала ее прикосновение, по-прежнему настойчивое, выдающее тревогу, страх, и пришла мысль о доме, от которого их относит все дальше, о ярких фонарях, чье сияние тонет в тускловатом свете холодного декабрьского дня, о маме, только начинающей ворочаться в постели и

удивляющейся, почему таким поздним утром в доме так тихо. Рождественским утром. Наспех нацарапанная записка – вот и все, что они ей оставили.

– В былые дни, – заговорил Вилли на полувыдохе, словно продолжая с того места, на котором умолк, – мы путешествовали морем. Из Вифинии можно было плыть почти что куда угодно, хотя, конечно, это занимало время, больше времени, чем сейчас, и, естественно, это требовало от нас гораздо большей организованности. Теперь мы несемся сломя голову. Совершаем больше ошибок. Но, правда, и дел у нас больше.

От другого бока корзины донеслось фырканье Флипа – он все еще злится, поняла Кэй, из-за той последней страницы приказа. Обернувшись, она посмотрела на него сквозь снасти – он завис над панелью со шкалами и датчиками. Он нянчил их, был, судя по лицу, полностью на них сосредоточен, время от времени легонько поглаживал их кончиками пальцев. Глядя на него сбоку, она заметила по-детски длинные ресницы, румянец на скулах, гладкую кожу, сердитое, но вместе с тем какое-то веселое выражение лица. Его мятая, складчатая фигура и сложная мешанина шкал и рукояток вокруг него казались чем-то единым, как будто приборы и механизмы в такой же мере управляли им как инструментом, как он ими. Кэй порадовала мысль, что шар сам несет его домой, а он всего-навсего позволяет это и облегчает.

– Так куда же мы? В Вифинию? Где это?

– Нет, не в Вифинию, – ответил Вилли, едва заметно качая головой. – Место, куда мы направляемся, оно в горах, и у него нет названия. – Его лицо чуть просветлело. – Но мы движемся туда правильным способом. На плечах у ветра.

– На плеча-ах у ве-етра, – нараспев повторил Флип, стоявший в паре шагов. Он не поднял глаз.

– Но почему не в Вифинию?

Кэй не могла это так оставить, не могла после событий вчерашнего вечера. После доктора Андреа Лессинг. Она посмотрела на Вилли в упор, выдерживая его взгляд. Он не посмел отвести глаза.

– Потому что нет больше Невесты, – ответил он просто, а потом выпрямился, хоть и не до конца, и поспешил на помощь Флипу, хотя тому не нужна была помощь. Кэй стало ясно, что большего она не дожидется. Большого не говорил никто – только эти два слова: *Невеста, Вифиния, Вифиния, Невеста*. В голове у нее, незваное, но неизбежное, звякнуло воспоминание о разговоре в кухне – о разговоре на повышенных тонах всего неделю назад. Сколько про это ни думай, *ни к чему* не придеешь. Ежась от холода, Кэй стиснула зубы и сползла к Элл под одеяло – а та сразу же крепко-крепко ее обхватила. Глаза сами собой закрылись, корзина мягко покачивалась, Кэй слегка подташнивало от этой качки и начало уносить в дремоту. Точно сквозь дымку до нее откуда-то стали доходить слова Вилли – он продолжил свой ответ; сонная, размлевшая в тепле, она улавливала, как могла, эти слова, которые текли медлительной струйкой.

– Вифинская... – прозвучало где-то очень близко от ее уха – может быть, он наклонился над ней или встал на колени, – Невеста. Царица волокон, дева-шелковица, дева-коса, воспалительница десяти тысяч любящих сердец, единственная бессмертная. Когда я был мальчиком, до всего этого, я видел ее однажды, мельком, в долине под нашим домом, среди плантаций, – она шла к морю на закате солнца. Как ни подумаю об этом, о ней, так доныне всякий раз чувствую на лице влажный вес воздуха тем вечером, крохотный колющий холодок над верхней губой. Все, что о ней напоминает, прокалывает меня будто копьем.

Он замолчал, стало тихо, если не считать негромкого налетающего гудения, похожего на звериное подвывание. Копье Кэй почувствовала, и еще как, тут же вспомнились острые, нацеленные голоса родителей, отскакивавшие от близких стен маленькой кухни, фехтовальные выпады и парирующие движения, холодные отвердевшие взгляды. Внутренним взором – ветер между тем щетинился и выгибал спину – она видела отца, стоящего в сутулой позе, принимающего удар, подставляющего себя критике, будто жертва, будто он всего-навсего непонятый, но

терпеливый герой. На нем было пальто, на плече висела сумка, он стоял у двери в прихожую, но не порывался идти. «Она же Невеста, в конце концов, – так почему ты *на ней* не женишься?» Ответа на это у него не было и быть не могло.

Но Вилли пребывал в другом мире.

– В моей деревне был человек, – заговорил он снова, – старый, полуслепой, он воевал в молодости за Невесту на востоке, торговый путь тогда еще был закрыт, и он обезножил от ран. Сидел целыми днями на циновке за дверью, в тени большого кедра, и пересказывал истории, которые слышал на войне: про ее чудесное рождение из морской пены, про то, как она обрела Девять Священных Форм, про Великое Бракосочетание. И, если терпеливо подождать и слушать не перебивая, он мог перейти к пророчеству о ее уходе.

Кэй тяжело качала головой в такт тяжелому раскачиванию корзины под действием попутного ветра. И чем дольше она кивала, тем дальше, казалось ей, отплывало куда-то в сторону ее сознание, и она подумала: не открыть ли глаза? Глаз. Она не могла вспомнить, сколько у нее глаз, но какая разница – ведь смотреть сейчас особенно не на что.

К пророчеству о ее уходе, подумала она. Уходе.

– О ее уходе из этого мира, – тихо подытожил Вилли; но обе девочки крепко спали.

Когда Кэй проснулась, все было по-другому. Во-первых – опять темно. А еще воздух теперь был сухой и страшно холодный, он битым стеклом резал ей кости. Элл, съездившись на боку, слегка похрапывала; по другую сторону от себя, совсем близко, Кэй увидела духов, они сидели друг напротив друга и играли в какую-то игру на круглой доске. Они всматривались в маленькие черные камешки и время от времени, не соблюдая строгой очередности, перемещали их.

– Куда мы летим? – резко спросила Кэй.

Вилли взял один камешек и сжал в руке. Казалось, он встревожился, но затем успокоился.

– Мы летим повидать Распорядителя Гадда, дело касается твоего папы. Кое-что необходимо сделать в связи со всеми этими свидетельскими способностями.

– И авторскими, – добавил Флип. Он сверился с прибором и поддал газу – горелка ответила продолжительным выбросом пламени.

– Но куда... – Кэй выбросила руку, охватывая этим движением черноту вокруг; сквозь эту пустоту лишь смутно проглядывала неровная, сухая, скалистая, поросшая кустарником местность, она медленно тянулась под аэростатом, который все дальше гнал ветер. – Где все это? Где мы сейчас?

– Все на свете стекает с гор, – промолвил Вилли. Слегка склонив голову на сторону, он смотрел на Кэй как на источник огромного счастья. Казалось, он считает великой своей привилегией сказать ей даже единое слово. – Что вода, что истории. Если хотим попасть к началу этой, надо подняться в гору и войти внутрь горы.

Кэй почувствовала, что в ней поднимается злость.

– Вы не отвечаете, – сказала она. Не сварливо, но без обиняков.

– Ответа – настоящего – не существует, – отозвался Вилли. – По крайней мере такого ответа, какого ты ждешь. Да, вначале ты, возможно, расстроена, сбита с толку, но не исключая, что в самом расстройстве твоём отыщется кое-какая основа для надежды. – Он опустил глаза на доску перед собой, на блестящие черные камешки и подвинул один, потом другой – первый просто и коротко, второй по длинной дуге. – Бывают времена, когда самое важное только и видится – только и *может* быть увидено, – что в темноте. Бывают времена, когда любая гора сгодится, когда важно войти не в какую-то *определенную* гору, а в *какую-нибудь*. Мы направляемся таким путем и в такое место, что нам, может быть, покажет себя нечто наивысшее.

Кэй хотелось вознегодовать, но с каждым словом Вилли новая частичка ее расстройства, казалось, улетучивалась. Потому что в нем не чувствовалось пренебрежения к ней – ровно

наоборот. Его глаза сновали туда-сюда между ней и доской, на которой по-прежнему лежала его рука, – можно подумать, доска была холстом и он писал портрет Кэй, изучая линии и светотень ее лица под косым лучом фонаря.

– Не понимаю, – сказала она. – Ничего не понимаю.

– Вот и хорошо, – промолвил Флип. Он сидел на полу ближе к ней и мог дотянуться ладонью до ее руки. Его прикосновение, бережное пожатие чуть ниже плеча – отеческая, нежная сила – поддержало и воодушевило ее. – Сознать свое непонимание – хорошо. Вот когда человек думает, что понимает, когда полностью в себе уверен – тут-то он обычно оказывается кругом не прав.

– Что Гадду нужно от моего папы?

Вилли и Флип дружно уставились на доску перед ними.

– Что он хочет с ним сделать?

– Вилли, – сказал Флип тихо, еле слышно. – Она еще девочка, но...

– Она в опасности.

– Она *автор*. Она уже проделала очень далекий путь, и очень храбро проделала.

Вилли немного откинулся назад в сидячем положении, его руки теперь обхватывали полусогнутые колени.

– Чтобы объяснить тебе, кто такой Гадд, мне придется тебе рассказать о вифинских рыцарях.

Наклонив голову над доской, на которой они с Флипом до этого играли, Вилли начал передвигать камешки – округлые, продолговатые, с серовато-синим отливом, похожие на гальку, которую Кэй, бывало, собирала у моря в Норфолке. Они выписывали на доске сложные узоры, его длинные изящные пальцы двигались не переставая, независимо друг от друга, непрерывно рисуя невидимые кривые, петли и спирали. В каждый момент кончик каждого пальца мягко толкал или тянул один, два или несколько камешков, так что Кэй видела на доске весь прихотливый процесс: камешки стягивались воедино, разбегались веером, группировались, менялись местами, перестраивались и перекомпоновывались, а потом вдруг все опять разобшались, постоянно обновляя свое распределение по доске. Поначалу это движение смущало Кэй, поставило в тупик, и она удрученно подумала, что сейчас просто повернется, проберется обратно сквозь снасти и залезет к Элл под теплое одеяло. Но, продолжая наблюдать, она увидела, что один из камешков перемещается не так, как другие, и пришла мысль, что в движениях пальцев Вилли, может быть, есть система: этот камешек совершал короткие, быстрые рывки, большей частью по прямой, рывки, которые из-за того, что он переходил при этом от пальца к пальцу, не привлекали первое время ее внимания. Она заметила, что с ним постоянно сталкиваются другие камешки, и пожалела было его – жертву множества ударов; но потом ей показалось, что он переманивает эти камешки на свою сторону: отскакивая, они словно бы приобретали в какой-то степени его свойства, начинали двигаться не длинными летучими дугами, а все более скованно, заржавленно. Чем дольше пальцы Вилли плели на доске свою ткань, тем меньше Кэй их замечала, теперь она видела только камешки и их жизнь: то, как этот один, точно вирус, заражал остальные своей дерганой запинкой, он будто упрекал их за красивый полет, заставлял стыдиться самих себя. У Кэй расперло голову изнутри, она почувствовала, что подбородок подается вперед словно в попытке проглотить рыдание.

– Вилли, хватит.

Это произнес Флип; положив на доску ладонь, он заставил пальцы Вилли умолкнуть и этим помог Кэй очнуться.

– Она воспринимает, – сказал Флип. – Ты орешь на нее. Довольно.

Ладонь Флипа отвердела на доске, костяшки побелели – казалось, он давит на пальцы Вилли с неимоверной силой.

Кэй подняла на Флипа глаза, но Вилли будто не замечал его вовсе; он заговорил тихим голосом, почти шепотом, и Кэй напрягала слух, чтобы улавливать его слова поверх содроганий ветра вокруг аэростата.

– Век за веком мы были гильдия, тысяча и один нас было, и все голоса были равны в залах Вифинии, каждый был рыцарем. Духи левой стороны, чьи ладони были полны камешков, строили сюжеты из причин, следствий и путей, какими движется все на свете; духи правой стороны, подставляя раскрытые ладони вдохновляющему воздуху, мечтам, сновидениям, творили силой воображения вселенную идей. Вместе мы плыли по ветру, оплетая края земли нашими песнями. То были дни могущества, когда духи левой стороны – великие барды и рассказчики сказок – брали у духов правой стороны – у фантазеров и прорицателей – материал и основу для самых волшебных историй, эпических и романтических, которые расходились по континентам, распространялись за семь океанов. Мы жили и коловращались тогда в некоем равновесии, в сбалансированном и совершенном движении. Сюжетчики почитали фантазеров, те, в свой черед, уважали сюжетчиков. Казалось – мы движемся в танце, которому нет конца...

– Те дни давно прошли, дружище, – сказал Флип. Бережно, как будто ставя хрупкую, ценную вещь на ненадежную поверхность, он отпустил руку Вилли, лежавшую на доске между ними.

– Мы были счастливы. Может быть, слишком наивны. Но счастливы. – Кэй почудилось – корзина слишком мала, чтобы заключать в себе великую пустоту, из которой вещал Вилли. – Но потом равновесие вдруг оказалось нарушено, и Гадд, который всегда был таким, как сейчас, – не повествователем и не рассказчиком, не деятелем по части средств и движения, не фантазером, не сюжетчиком, не провидцем, не прядильщиком чар, а только лишь силой, нацеленной на...

– Результат, – тихо вставил Флип. – С самого начала Гадд хотел одного: результата.

Вилли кивнул.

– Да, результата. Он сплывал вокруг себя все больше духов левой стороны. Создавалось впечатление, что они фактически действуют по его приказу, а не руководствуются доской, как прежде. Мы руководствовались доской тысячу лет. А они потянулись к Гадду. Мало-помалу Гадд привлекал к себе новых и новых духов левой стороны, а потом, постепенно, и правой, и даже некоторых фантомов, и наконец их стало так много, что они решились устроить в гильдии голосование, – и мы проиграли. И Гадд сделался Распорядителем, а мы теперь исполняем его распоряжения.

– За исключением тех, что находятся на странице девятнадцатой, которую ты использовал вместо носового платка, – заметил Флип.

– Ага, – согласился Вилли, хотя он не слушал.

Флип, глядя на Кэй, шутливо закатил глаза, но она решила, что тоже его не слушает. Флип встал на ноги, перешагнул через Кэй к приборам и начал возиться с канатами и клапанами, сверяясь со шкалами и что-то бормоча то из одной памятки, то из другой.

Кэй во все глаза смотрела на лежавшую перед ней доску – на ее неровные, неотделанные края, на темную, в мелких пятнах, гладкую поверхность, где по сию пору была видна текстура дерева, из которого эту доску выпилили, где пробегали отсветы от неравномерно качавшегося наверху фонаря. И очень скоро зрелище ее зачаровало: пальцы Вилли возобновили свое рассеянное кружение, их кончики легонько подталкивали, деликатно смещали камешки на доске, которую крупно раскачивало вместе с корзиной. В узорах, что творил с их помощью Вилли, она заметила теперь кое-что новое, странное, чего, она чувствовала, раньше там не было: посередине появились два камешка – один почти безмолвный и малоподвижный, но подталкиваемый через равные промежутки времени, как бы находясь под действием тикающих часов; другой – экстравагантный, выписывающий спонтанные дуги, импульсивный ловец удачи. Инстинкт

подсказал ей, что первый камешек – она, второй – ее сестра. Она знала это так же точно, как если бы Вилли достал кисть и краски и написал их портреты.

Кэй подняла на Вилли взгляд.

– Что это за доска? – спросила она. – И что это за камешки? Игра такая?

Вилли нахмурился.

– Нет, не игра. Не совсем игра. Тут нет соперничества, нет победителей и побежденных – только движение и чтение. Называется – сюжетная доска, а на ней сюжетные камешки. Никакой дух левой стороны не отправится в путь без такой доски; они всегда при нас. Они дают нам возможность разложить любую ситуацию, любое повествование, любую историю на простейшие элементы, благодаря чему мы видим ее строение и понимаем, как происходящее сейчас связано с тем, что уже было, и какова его связь с другими ситуациями и историями в будущем.

– Значит, доска помогает предсказывать будущее? Вы можете мне сказать, что со мной приключится? Мы найдем папу – это видно там?

– Нет. Это было бы прорицание. Тут есть разница; некоторые духи способны прорицать, но сюжетные доски им для этого не нужны. Они выхватывают видения из воздуха, как глаз выхватывает звезды холодной ночью. С помощью сюжетных досок мы просто глядим на очертания историй и стараемся понять, как эти очертания работают. Тут – вероятности, привычки, тенденции, то, как события *обыкновенно* развиваются. Например, камешек, который ты видела раньше, – это Гадд, а камешки вокруг него – некоторые из прочих духов; наблюдая за взаимодействием этого камешка с другими, ты могла видеть, как Гадд установил с ними связь, начал на них влиять, превратил в подобия себя самого.

Кэй кивнула, желая, чтобы черные, с синеватым отливом камешки, теперь почти неподвижные, разве что чуть-чуть подталкиваемые изредка, снова пустились в танец под воздействием пальцев, снова заскользили по испещренной пятнышками доске.

– А потом вот этот камешек была я, – сказала она, прикасаясь к нему, – а вот этот – Элл. Вилли вскинул на нее глаза, как ужаленный.

– Или нет, – пошла она на попятный. – Может быть, я ошиблась.

– Нет, – отозвался он, смягчаясь. Его пальцы вновь затаптывали по доске. – На каждое отдельно взятое движение можно смотреть многими способами. Многими, многими способами – им нет числа. То, что я тебе показал вначале, можно истолковать и как состязание между порядком и неупорядоченностью. Или как распространение болезни между, скажем, мышами в клетке или кроликами в крольчатнике, когда со временем заражается вся группа. Истолкований этой схеме можно дать сколько угодно, было бы время; но я сказал тебе, что это Гадд, и ты увидела Гадда.

– Но то, что делается на доске, – это правда?

Кэй пыталась что-то нащупать, но плохо понимала что.

– Модели, мысли и истории не бывают неправдой. Как ты с ними обходишься – другой вопрос.

В этот момент она почувствовала толчок, и Флип – до этого бормотавший – перешел на отрывистый лай, а потом на крик. Вилли встрепенулся, вскочил на корточки, неосторожно попал головой в переплетение снастей, его длинные пальцы заметались в воздухе. Все вокруг сталкивалось между собой, инструменты раскачивались, опрокидывались, стукались друг о друга, ломались – а корзина неслась куда-то дикими скачками. Летела вниз. Не дожидаясь, пока до нее дойдет, что кричит Флип, Кэй кинулась, обегая оборудование, к Элл – та моргала, проснувшись от качки и шума, в ужасе глядя на черно-серое небо. Вилли, припав к полу, пытался крутить кабестан, Флип лихорадочно поддавал газу в горелку, стараясь, сообразила Кэй, увеличить подъемную силу, прекратить тошнотворное падение. Возникло и не проходило чувство невесомости, ощущение прыжков на Луне. Она обняла Элл, крепко ее обхватила, и тут наконец разобрала: «На плечах у ветра!» – вот что кричал дух.

За секунды до жесткого приземления Кэй вспомнила, что видела на сюжетной доске, когда началась суматоха: продолжающееся дугообразное движение по краю пятнистой доски одинокого, нетронутого другими, изящного камешка, неторопливое, но элегантное, с легким вращением.

– Там было крушение.

Они толпились и переминались перед ним – длинные и легковесные фигуры, едва способные сохранять форму под натиском его приземистой и массивной бесформенности.

– Сколько погибших?

– Никого.

– Пока никого.

С внезапной решительностью он двинулся вперед. Они раздались, пропуская его, как растительное масло пропускает воду, потом сомкнулись и последовали за ним.

– Мы должны устроить встречу. Позаботьтесь, чтобы все для них было готово. Пришло время реализовать наши новые планы.

Ближайший, самый угодливый и притом самый амбициозный, увидел свой шанс.

– Мы разыграли это на сюжетной доске, и...

Отпор, данный на ходу, был полным:

– Оставь при себе эти бабушкины поверья, не желаю о них слышать! Как они мне надоели – ваши кругляши с их глупым колдовским коловращением!

Небольшой группой они вступили в обширный пустой зал. Гадд встал посередине, медленно повернулся и воздел в простор помещения узловатые, точно обрубленные, ладони.

– Назовите меня вашим владыкой. Владыкой всего этого.

– Вы единственный владыка внутри горы.

– Только моя рука способна повелевать. Только мой кулак. И все же нет, я пока не единственный владыка.

Зал был освещен сотней светильников.

– Понежнее с девчонкой. Она – средство для достижения моей цели. С ее сестрой... с ней как получится. – Он раздраженно махнул рукой. – Но что касается другой персоны – бейте без усталости кулаками, чешите языками. Оплетите его ложью. Надо его сломать, и поскорее.

4

Гадд

Если полет был холодным и беспокойным, если он казался порой трудным и тошнотворным, то куда хуже, при всей его краткости, был внезапный стремительный спуск в конце. Желудок Кэй ринулся чуть не в кончики пальцев, горло, сухое и узловатое, как наросты на дубовых листьях, душило ее. Когда, через несколько секунд, корзина рухнула, судя по звукам, на что-то скалистое, Кэй испытала едва ли не облегчение. После этого начался медленный коллапс: корзину разом и тащило, и колотило, и расщепляло. Оболочка аэростата продолжала сдуваться, и на них опустились сначала стропы, а потом и ткань. Флип, должно быть, погасил горелку, подумала она: впервые с начала полета тьма была крошечная. Ход времени так замедлился, что даже странно было: Кэй действовала, и притом ей казалось, что времени на обдумывание своих действий у нее масса, – она одной рукой прижимала к себе Элл, другой расталкивала синтетическую ткань, чтобы их не задушило, и продолжала втискиваться в углубление под ободом корзины. Она немного перевела дух, и корзину, начала она ощущать, все менее свирепо волочило вперед, пока наконец она не остановилась. И стало тихо.

Воздух (шаря рукой, она обнаружила его источник) притекал из дырки в оболочке аэростата. Отпустив Элл, она, чтобы приблизить эту дырку, стала тащить к себе ткань, которая лежала вокруг складчатой массой. После этого, опять приобняв сестру, принялась подтягивать к дырке себя и ее. Еще немного усилий – и они высвободили головы, а потом и туловища. В ночном воздухе уже за пару шагов мало что можно было разглядеть. Луну закрывали облака, Вилли и Флип точно в воду канули.

– Элл, как ты?

Кэй немного расслабила руку, но тельце сестры все равно тесно прижималось к ее боку. Голос прозвучал пусть и чуточку сдавленно, но с силой:

– Выпутываю ноги, пока не получается.

Казалось, Элоиза не выбирается из обломков после жуткого крушения, а решает заковыристую задачку. Простые, храбрые слова – и у Кэй сразу стало легче на сердце.

Потолкавшись, покрутившись, Кэй окончательно извлекла их обоих из тяжелых наслонившихся пеленок. Теперь они стояли на этой все еще зыблящейся ткани; пошатываясь, кое-как двинулись к ее краю, к твердой земле. Плотную, как штора, тьму вокруг колыхал ветер. На руке Элл, где во время падения задрался рукав, Кэй вдруг почувствовала ладонью пупырышки гусиной кожи.

– Кэй, – прозвучал голосок Элл, по-прежнему полный невинной отваги, – что случилось? Я думала, мы летим искать папу.

Будь даже у Кэй время на ответ, она не знала бы, что сказать. Ни ответа, ни времени.

– Спрыгивайте. Живее, – скомандовал Вилли, чье лицо выступило из мрака, жутковато подсвеченное ярким качающимся фонарем. – Тут опасно. Хватайтесь за меня. Быстро!

Кэй дернула Элл за руку, толкнула ее вперед. Едва она сама, метнувшись к Вилли, повалилась на него, как увесистый фрагмент оборудования и такелажа взлетел в воздух и хлестнул прямо по тому месту, где она стояла мгновением раньше. Тут наконец она увидела и Флипа: длинным ножом он перепиливал что-то. Стропу.

– Мы приземлились на скале, – тихо промолвил Вилли. Из-за усиливающегося ветра его было еле слышно. – Я попытался закрепить якорем, но он не удержит корзину, если ткань поймает ветер. А она его ловит. Флип старается спасти корзину. Что от нее осталось.

Флип двигался вдоль обода почти перевернутой уже корзины, прокладывая себе дорогу среди натянутых снастей и строп, – они шелкали, когда он их перерезал, концы отлетали, увлекаемые оболочкой, которая, несмотря ни на что, порывалась лететь. Вот ему осталось перерезать последние четыре или пять – и тут он крикнул Вилли:

– Отведи девочек подальше, а то мало ли что!

Вилли потянул Кэй, а та стала искать руку Элл. Нашла и потащила было сестру к скоплению больших камней, где можно было укрыться. Но Элл не двигалась с места. Кэй дергала изо всех сил.

– Кэй, – слышался голосок Элл. – Кэй, я, кажется, застряла.

Все происходило стремительно – и словно бы замедленно. Кэй повернулась и в свете фонаря Вилли сразу увидела: нога сестры увязла в мешанине канатов, оттяжек, привязных тросов, ткани и прочего. Но едва она повернулась, как ладошку Элл выкрутило из ее руки и девочку протащило два или три метра по жесткой земле. Ветер поднимал ткань, раздувал ее местами, как парус, и при каждом новом рывке тельце Элл перекручивало и мотало, с каждым новым метром вокруг нее все туже затягивался узел такелажа и кусков материи. Она кричала.

Флип прыгнул в тот самый миг, когда аэростат пришел в движение. Поначалу он глядел только себе под ноги, боясь угодить в какую-нибудь ловушку, – а Кэй стояла ошеломленная, парализованная, смотрела на него во все глаза, словно стараясь взглядом заставить его помочь. А Вилли... у нее было чувство, будто они втроем очутились глубоко под водой; все вдруг налилось тяжестью, даже мысли.

И тут Элл потянуло дальше.

Они приблизились к ней почти одновременно. Флип – акробатическими прыжками среди танцующих канатов, похожий на какого-то психованного заклинателя змей. Вилли – тоже прыжками, но пригнувшись, хватаясь где можно за снасти, ища хоть что-нибудь, за что можно уцепиться и помешать аэростату безжалостно ползти к обрыву. Но Кэй – она смотрела только на Элл, на ее протянутые руки, к ней она бежала без всякой мысли о том, что сама может попасть в капкан, что ей самой угрожает бешенство снастей, которые метались и вились вокруг ее щиколоток, как ядовитые пресмыкающиеся.

– Кэй, помоги мне! Помоги! – кричала Элл. Она крутилась и рыдала от бессилия, пытаясь растянуть обвившие ее канаты. Кэй вцепилась сначала в одно хрупкое запястье, потом в другое. Она держала Элл, стараясь успокоить, принудить ее не дергаться. Вилли ухватился за что-то – за свободный конец ткани – и уперся каблуками в камни, разбросанные тут повсюду; с огромной натугой он удерживал тяжелую оболочку, не давал ей ползти дальше, выигрывал для девочки время.

– Держи, Вилли, держи! – крикнул Флип. Он уже был рядом. Вот его руки добрались до ноги Элл. Она была обмотана тросами и ремнями. Одна брющина задралась, и икра начала багроветь. Кэй глядела на все это. Немыслимо – сколько там было узлов, сколько всяческих пут. Глазам больно было смотреть, кровь в груди, казалось, ползла вдоль ребер, как муравьи.

– Флип, режь ножом – нет больше сил держать.

Флип продолжал вглядываться в ногу Элл, во всю эту массу узлов и переплетений.

– Нельзя – слишком тут много и туго. Я порежу ее. Погоди.

– Я не удержу, Флип. Если сейчас ветер...

Флип выпустил ногу Элл и встал. Ярость в голове у Кэй вспухла немим криком. *Как он смеет сдаваться! Как он смеет опускать руки!*

– Кэй... Кэй... Кэй...

Ладони Флипа заплясали перед его лицом, пальцы вытягивались, извивались, он вперял взор то в Элл, то в свои руки, то опять в Элл. Вначале Кэй показалось, что он хочет применить какое-то колдовство, что он возомнил себя чародеем, – но нет, тут было другое. Он шевелил руками так же, как до того Вилли на сюжетной доске.

– Три... секунды... еще... могу, – проговорил Вилли. Каждое слово прорывалось сквозь отдельный всплеск изнуренного усилия.

Пальцы Флипа танцевали. Он вошел, чудилось, в некий транс, загипнотизировал себя, он словно бы глядел на самое важное, что есть на свете, и зрелище до того увлекло и заворожило его, что он выпал из времени, испытывая глубокую, напряженную любовь к своим движущимся ладоням. Казалось, он так же опутан, как Элл.

И вдруг он разом обрел свободу. Плавным, быстрым движением он взялся за нож у себя на поясе, выхватил его, упал на колени и перерезал один-единственный трос в левой верхней части той мешанины узлов, что по-прежнему опутывала колено и бедро Элл. В тот самый миг Вилли, обессиленный, выпустил ткань и повалился на спину, задев по дороге плечо Флипа и свалив наземь его тоже.

Но Кэй едва обратила на это внимание.

Ее взгляд был прикован к тросам, обвивавшим ногу Элл. Они, точно живые, отпрянули от того места, по которому прошелся нож Флипа. Одни крутанулись, взвились и пропали; другие исчезли, разматываясь, напоминая воду, воронкой вытекающую из ванны; третьи, высвободившись из сложной путаницы, улетучились струйками пара на ветру. Так или этак – словно в замке, щелкнув, повернулся ключ – они все расплелись, капкан разжал свои челюсти, Элл кое-как поднялась на ноги и рухнула в объятия Кэй. Та просто держала ее.

Как ему это удалось?

Когда Кэй опять открыла глаза и огляделась, двое духов уже начали сортировать имущество, которое пощадило крушение. Флип аккуратно взялся за корзину – она лежала опрокинутая в нескольких шагах от девочек – и с грохотом и треском перевернул ее обратно. Кэй пристально разглядывала его поверх сгорбленного плеча Элл. Мелькнула мысль, что он опасен, – мысль, на которой он словно бы ее поймал, подняв на Кэй глаза и заставив устыдиться.

– Иногда просто-напросто надо понять, какую нить перерезать, – сказал Флип. Он медленно перевел дыхание, не отпуская ее глаз, потом пожал плечами и забрался в корзину, чтобы оценить ущерб.

– Не так все плохо! – прокричал он.

Кэй и Элл после некоторых колебаний нетвердой походкой двинулись к нему вслед за Вилли.

– Инструменты? Оборудование? – спросил Вилли. – Можешь определить, где мы находимся?

– Хорошая новость, – промолвил Флип, чуть ли не лучась, – в том, что мы почти у цели. Думаю, час ходу, а то и меньше. И оборудование, кажется, большей частью цело: оболочка при падении очень удачно опустилась на корзину и удержала его.

– А есть и плохая новость? – спросила Кэй. Она чувствовала себя оглушенной, такой же пустой, как широко открытые глаза сестры.

Флип, присев, гремел и лязгал чем-то на дне корзины.

– Плохая в том, что нам придется нести то, что желаем сохранить. И если мы не хотим расстаться с надеждой на... то есть...

– То мы бегом, – сказал Вилли. – Вы, девочки, можете бежать?

Элл все еще потирала ногу, которую совсем недавно душили канаты. Какое там бежать, подумала Кэй; но они обе кивнули.

Каждый взял что-то: Вилли и Флип – коричневые джутовые мешки, тяжелые на вид; Кэй – сумку, куда Флип торопливо положил кое-какие инструменты, сюжетную доску и камешки, собранные девочками на полу корзины; Элл – небольшую связку одеял. Флип нашел в корзине несколько сигнальных ракет и тут же пустил одну, надеясь, что кто-нибудь увидит и поспешит помочь, и еще потому, сказал он, что она осветит местность и поможет осмотреться. Они приземлились на какой-то плоской возвышенности в горах; с одной стороны был утес, с другой пологий спуск, плавно переходивший в подъем к высокому пику. Держась левее, они, решил Вилли, могут спуститься в горную долину, поросшую кустарником и низенькими деревцами. Там двое духов рассчитывали сориентироваться. К тому же облака начали рассеиваться, и свет звезд, а вскоре и луны, позволял, осторожно идя вниз, лучше выбирать дорогу. К тому времени, как они основательно углубились в полосу низкорослых кустов, они уже куда яснее видели друг друга и окрестный пейзаж. Флип выпустил еще одну ракету – Кэй опасно чуть поотстала в этот момент вместе с Элл, – и световой дождь, который пролился, позволил им заметить в долине какое-то движение.

– Это наверняка Хоб и Джек, – сказал Вилли Флипу с довольной ухмылкой, – не будь я фантом, если вру.

Флип, несмотря на тяжелый мешок, двигался вприпрыжку, и Вилли слегка подталкивал девочек, побуждая торопиться. У Кэй, которая то и дело перехватывала сумку, руки и плечи ныли и горели, но она терпела. Она, сколько могла, участила шаги, чтобы со стороны это выглядело как бег. Вскоре впереди послышались оживленные голоса, они делались все громче, а потом в оранжевом свете, источник которого, похожий на морской светящийся буй, вдруг показался из-за куста, Кэй и Элл увидели Флипа. С ним были еще двое духов, высоких и клиновидно тощих, как Вилли. Они перекладывали часть вещей из мешка Флипа в два других. Вилли, подойдя, остановился и протянул друзьям не ладонь, а согнутую руку.

– Хоб Гоблин! – промолвил он, сияя. Дух взял его руку двумя перекрещенными своими и на несколько секунд крепко притянул к себе, будто принайтовил к мачте морскую принадлежность. Потом Вилли повернулся к другому духу, который ждал очереди поздороваться. – Джек Хэллоуин! – воскликнул Вилли. – Нам пригодится твой огонь, тыква ты светящаяся!

Джек взял его руку такой же необычной перекрестной хваткой. Все четверо, прежде чем снова заняться мешками, постояли тихо, и между ними висело что-то, какое-то гудение, энергия. Кэй знала эту тишину, эту молчаливую задержку приятного мгновения, которого не хочется отпускать, – ведь она тосковала по такому, воображала такое и множество раз старалась сама это сотворить. Глядя на духов, она с удивлением поняла, что это любовь.

Вилли нагнулся и начал распределять что-то из своей поклажи. Какие же они, эти мешки, должно быть, тяжелые, думала Кэй, сколько же нужно было целеустремленности, чтобы их потащить... и тут она обратила внимание на их содержимое.

– Это же папины вещи, – заявила она. Она была рассержена и чувствовала, что прозвучало довольно грубо.

Руки Вилли перестали двигаться, и два новых духа – она очень отчетливо видела их сейчас, наклоненных в ее сторону: круглые глаза, угловатые, тонко заточенные носы, высокие скулы, отливающие серебром волосы-оперение – пытливо нависли над мешками.

Молчание нарушил Вилли, он был нескладно-официален:

– Как я вам уже объяснил – сударыня, – мы по долгу службы занимаемся перемещениями. Мы прибыли в ваш дом с описью и переместили то, что нам было предписано переместить. Вплоть до последнего зуба. – Он медленно поднял на нее глаза, и они оба улыбнулись, хотя Кэй – против воли. – Нравится нам это или нет – впрочем, заверяю вас: не нравится, – такая нынче у нас работа.

– Сударыня, – добавил Флип с саркастическим глубоким поклоном и закатыванием глаз. Локоть у Вилли был очень длинный и острый, и Флипу, подумала Кэй, наверное, было больно получить сейчас этим локтем в бок.

А двое других – Хоб и Джек – теперь перешептывались, освещенные фонарем, который у них был с собой. Вилли, как и Кэй, заметил их любопытство и, не сводя взгляда с Кэй, громко обратился к ним:

– Да, дело обстоит так, как вы слышали. И с нами две девочки, которые значат больше, чем кажется. Одна из них, – он боролся теперь с улыбкой или с гордой мимикой, которая лезла из-под ровной, напряженной серьезности заявления, – автор.

Встречающие были так же ошеломлены, как в свое время Вилли и Флип; ничего не говоря, они то и дело поглядывали исподтишка друг на друга и на девочек, пока те помогали раскладывать по мешкам одежду, бумаги, книги и другие мелкие знакомые предметы. И когда Кэй и Элл, окруженные четырьмя темными долговязыми фигурами, двинулись дальше, духи продолжали бросать на них взгляды. Элл быстро обессилела, Хоб забрал у нее одеяла и взвалил себе на плечи, а Кэй всячески побуждала ее идти – подбадривала, утешивала, порой умоляла, порой грубо тащила за руку. В какой-то момент, когда измученное тело сестры повисло на Кэй мертвым грузом, она остановилась и прижала бледное личико Элл к своей груди, приказывая теплу перетекать из нее самой в дрожащую маленькую фигурку.

– Кэй, – сказала Элл, отстраняясь с неожиданной силой, – я думала, мы летим искать папу. А на самом деле мы помогаем от него избавиться, и больше ничего.

Она уронила на землю мешочек, который ей оставили, и зарыдала.

Кэй ничем, кроме объятий, не могла утешить сестру; она не чувствовала в себе сил, чтобы попытаться ответить на вопросы, которые по-прежнему кружили в ветренном воздухе вокруг: *Что они делают? Где папа? Для чего все это?* Джек взял Элл на спину и понес довольно весело, а Кэй – та несла на плечах одни вопросы.

Меньше чем через час, поднявшись из долины, а затем спустившись по осыпи из крупных и мелких булыжников, они поставили вещи у входа в пещеру, которая показалась Кэй невыносимо зловещей.

– Вот мы и пришли, – сказал Вилли, присев поговорить с девочками. Видя, как напряглась Кэй, он добавил: – Не бойся. Это не такая пещера, какие ты воображала.

И правда: как только Хоб и Джек, высоко держа фонарь, вступили в нее, тут же в обширном внутреннем помещении зажглось множество таких же светильников, укрепленных на стенах. Пещера была пещерой только по названию: стены большого сводчатого зала были отполированы до блеска и увешаны гобеленами, вытканными из каких-то чудо-нитей, – золотое, темно-фиолетовое, алое, голубое и желтое действовали на глаз, как звонкие диезы на слух, белое белело ярче, чем сияющие стены. Кэй доводилось видеть средневековые гобелены в старых церквах и музеях – не только у себя в Кембридже, но и в бесчисленных городках поменьше и деревнях, по которым таскал их папа, неистощимый на маршруты, на блокноты, на фотографии. Там все гобелены были выцветшие, большей частью серовато-голубые или зеленоватые, и, хоть иногда огромного размера, неизменно изображали скучнейшие вещи: победы во всеми забытых битвах, лесной пейзаж, очередную Богоматерь с младенцем. Здесь же висели совсем другие гобелены: светносные, пышущие жизнью, пленяющие глаз полнотой страсти, опасности, страдания, торжества и радости. Кэй вглядывалась во все голодным блуждающим взором. Вот герой кидается в жерло живого вулкана; вот две подруги разлеглись в море подсолнухов; вот три нимфы появляются из огромной разлившейся реки, преследуемые дельфинами; вот лица, сердитые или добродушные; вот процессия мальчиков-певчих идет по необъятному готическому нефу; вот пираты на медленно опрокидывающемся корабле; и, конечно же, духи, боги, гномы, феи, эльфы, сатиры, великаны и чудовища. Куда Кэй ни бросала взгляд

– всюду теснились эти почти подвижные образы, творившие на стенах некий статический танец текстуры, цвета, повествования.

Элл тоже была, несомненно, зачарована гобеленами. Все признаки усталости исчезли: хотя ее руки и висели по бокам, на лице, приподнятом и обращенном к стенам, шла игра возбуждения, интереса и узнавания. Она поворачивалась то туда, то сюда. Глаза перебегали с образа на образ. Кэй пригляделась к ней, удивленная ее сфокусированным вниманием и внезапной храбростью во взгляде после того, как Элл целый день робко к ней льнула. В протяженном сводчатом зале Элл стояла одна, поодаль от всех – от Вилли и Флипа, которые тихо и взволнованно разговаривали с двумя новыми, незнакомыми духами, только что вошедшими через дальнюю дверь, и от самой Кэй. Ее рыжие волосы, наконец-то совсем свободные от тугой косы, которую Кэй заплела накануне, ниспадали волнистыми прядями. При крушении аэростата пола ее синего шерстяного пальто в одном месте слегка порвалась, на брючине виднелось пятно, похожее на масляное, но в остальном она выглядела на удивление мало затронутой бурными событиями дня, и лицо, которое Кэй видела теперь в профиль, было спокойным, несколько не напряженным. От нее веяло таким внутренним равновесием, какого Кэй никогда раньше в ней не замечала, даже во сне. Казалось, Элл впервые в жизни пребывает целиком и полностью дома.

– Кэй, – сказала она, повернувшись. – Мне кажется, я видела это место во сне. Я помню эти картины. Я помню эти цвета.

– Не может такого быть, Элл. Ты же никогда тут не была, как ты можешь что-то здесь помнить?

Кэй сама удивилась своему недовольному тону.

– Я знаю. Но понимаешь, у меня *чувство*, что я помню.

Элл показала на длинный узкий горизонтальный гобелен на левой стене, где старец, древний и морщинистый, но по-прежнему сильный, мускулистый и, ощущалось, полный величия, восседал на некоем подобии трона. Он смотрел на небольшую группу людей, которые двигались к нему, простоволосые и в лохмотьях, из темного угла в обширном сером зале, так тускло освещенном, что он показался Кэй вырубленным в граните, показался внутренностью горы.

– По-моему, я знаю, – сказала Элл, – ну, или чувствую, что там происходит. Этот старик – судья, он судит жизни людей после их смерти, все их жизни целиком. А все эти, которые к нему идут, они только что умерли. Они отправляются в загробную жизнь, и судья каждому скажет, куда идти – в рай или в ад. Кэй, они все такие. Знакомые, будто картинки из книжки у нас дома. Или будто я сама их все выткала.

– Ну что ты, Элл, ты же знаешь, что у нас нет книжки с такими картинками. – Чем-то настойчивая убежденность сестры обеспокоила Кэй; она была раздражена. – А тут так всего много. Что бы ни было, помолчи об этом сейчас. Погоди, пока мы не найдем папу.

Тем временем Флип, должно быть, вышел через дальнюю дверь; Вилли все более разгоряченным шепотом вел разговор с двумя новыми духами. Кэй посмотрела на него критическим взором. Под яркими светильниками зала он выглядел еще бесплотней прежнего. Хотя изяществом рук и лица он отнюдь не уступал тем двоим, он был заметно более тощ, заметно более согнут. В их щеки не въелась такая, как у него, усмешка – пусть и добрая, но усталая и горькая. Вместо нее по их лицам-полумесяцам шли глубокие, тяжелые складки, как если бы, высекая их в виде каменных скульптур на внешней стене собора, ваятель приберег самые крупные надрезы, самые резкие линии для суровых лбов, сжатых губ, строгих подбородков. Один из них махал перед Вилли ворохом бумаг. Кэй тут же стало жалко Вилли – наверняка это опись имущества, подумала она; и, само собой, мгновение спустя, после короткого и явно неловкого молчания, все трое духов повернулись к ней. Вилли приблизился первым и, с обычной своей сутулой грацией, наклонился и присел на корточки.

– Кэй, я должен попросить у тебя сейчас этот зуб. Чертобес и Огнезмей, – он показал на тех двоих – они возвышались у него за спиной карикатурными воплощениями желания угодить вышестоящему лицу, один по-прежнему сжимал листы инструкции по изъятию имущества, – обязаны отчитаться о перемещении перед Распорядителем Гаддом, а он не любит, когда старшие помощники заставляют его ждать.

Что-то в том, как он произнес слова «старшие помощники», – малозаметное колебание, может быть, – породило в Кэй недоверие к этим новым духам. Она не хотела поднимать на них взгляда и продолжала вместо этого смотреть в глаза Вилли. В них она черпала успокоение и, перед лицом новой опасности, грозившей, чувствовала она инстинктивно, ему так же, как ей, – решимость.

– Скажите им, пожалуйста, что я сама отнесу его Гадду.

Чертобес и Огнезмей слушали их разговор. Теперь они, безрадостно усмехнувшись, смяли бумаги в один комок над самой головой Вилли; он, однако, оставался в прежнем положении, и Кэй показалось, что уголки его глаз опять тронула улыбка. Она почувствовала, что о ее бок трется шерстяное пальтишко Элл, и обняла ее одной рукой, по-прежнему не отводя взгляда от глаз Вилли. Он тоже их не отводил. Наступила долгая пауза, достаточно долгая, чтобы Кэй решила – и решила безоговорочно: что бы он ни сказал, она будет ему доверять. Наконец он промолвил:

– Хорошо. Я пойду с тобой, буду твоим провожатым. – Он выдохнул и кивнул. – Думаю, пригожусь.

Тут все пришло в движение, да такое быстрое, вихревое, ошеломляющее, что Кэй не успевала все воспринимать. О том, чтобы просить объяснений у Вилли, который легким шагом шел подле девочек, следом за Чертобесом и Огнезмеем, и речи не могло быть. Он явно уделял пристальное внимание реакции помощников Гадда. Вероятно, рассудила Кэй, он находится у них под началом: они шли впереди, он сзади.

Когда миновали дверь в конце зала, огни за спиной погасли, впереди – зажглись. Если бы Кэй никогда не снились сны; если бы папа не носил ее на плечах по половине соборов Англии, поднимая так высоко, как только можно было, чтобы проверить, удастся ли хоть разок достать рукой до ребристого, украшенного орнаментом свода; если бы летними вечерами они с Элл не лежали на травянистом пустыре по ту сторону от их дорожки, используя вместо подушки заросли клевера, распевая песни, чтобы растормошить сонные облака, отправить их в пляс по небу, – если бы не все это, ее, может быть, не поразило бы так помещение – огромная пещера, – куда их с сестрой ввели духи. Но она видела сны, тянула руку, пела песни, и потому ей был внятн размер этого зала, где тысячи, десятки тысяч светильников, внезапно вспыхнув, торжественно грянули симфонию открытия. Кэй привыкла смотреть вверх.

Это была библиотека; точнее – колоссальное книгохранилище, сокровищница книг. Если бы можно было взять и соединить громаднейшие храмы, нефы, палаты, тронные залы, аудитории, амфитеатры, стадионы, арены, то получилось бы как раз нечто подобное. Не зайдя Вилли девочкам за спину, не поторапливай он их легкими прикосновениями, Кэй просто-напросто так бы тут и осталась.

Полки, на которых стояли неисчислимые книги, были высечены из каменных стен пещеры. Вдоль пола, выложенного коврами, где перемежались винный и фиолетовый цвета, тянулись ряды длинных столов, на них тут и там виднелись сюжетные доски с кучками камешков у края каждой. Кэй насчитала четыре – нет, пять – рядов. В разных местах зала стояли гигантские глобусы, земные и лунные, в прочных деревянных каркасах, под каждый стол была аккуратно задвинута невысокая табуретка – мест хватило бы, подумала Кэй, для тысячи духов. Из книг она ни на какую вблизи посмотреть не могла, но ясно видела, что некоторые из них – может быть, большинство даже – грандиозного, титанического размера, на тысячу страниц или больше. На верхних полках, которые доходили до свода, книги, правда, делались меньше,

и, когда маленькая группа, пройдя через зал, готовилась выйти, Кэй как раз успела заметить, что самые верхние полки уставлены крохотными книжками чуть ли не с ее ладонь. Когда они покидали библиотеку, в голову ей вдруг ударило: во всем этом необъятном помещении не было ни души. Абсолютная пустота.

Миновав еще одну дверь-арку в толстой стене, все пятеро вошли в коридор, похожий на туннель. Тут, в отличие от книгохранилища и от первого зала с гобеленами, вовсе не было пусто: духи так и роились здесь, сновали, обходили друг друга – с изяществом, да, но еще и озабоченно, торопливо, нацеленно. Некоторые хмурились, как Чертобес и Огнезмей, у многих под мышками были бумаги. Не другие ли это описи имущества, подумалось Кэй, не жизни ли это других похищенных отцов и матерей, превращенные в каталоги? Или детей. Во внезапной панике она едва не натолкнулась на Чертобеса, когда он вместе с Огнезмеем остановился перед маленькой деревянной дверью. Огнезмей поднял кулак, поколебался, точно прислушиваясь к чему-то, и двукратно, сильно постучал. Дверь распахнулась.

Залы, через которые они прошли, были величественны, гобелены завораживали, поражали. Комната же, куда они попали через низенький проем, не имела со всем этим ничего общего. Во-первых, в ней было темно – настолько, что глаза Кэй, когда духи, пригнувшись, ввели их с Элл в комнату, не сразу приноровились к этой темноте. Во-вторых, низкий потолок; Вилли, чтобы не упираться в его грубый камень головой, вынужден был и наклоняться, и держать ноги полусогнутыми. Но главное, чем комната была Кэй неприятна, – это обилие в ней приземистых, коренастых духов лишь ненамного выше нее ростом и полностью лишенных той худобы и грации, что отличала Вилли и в какой-то мере даже Чертобеса и Огнезмея. Эти же, подумала она, шишковатые какие-то, волосатые, краснолицые и толстогубые; их лица и кисти рук были усеяны чем-то вроде бородавок. Десятка полтора их сидело за какой-то писаниной за двумя большими столами на козлах по обе стороны длинной комнаты, еще пятеро или шестеро несли бумаги от столов к вместительным шкафам вдоль стен или от шкафов к столам. В дальнем конце комнаты, на небольшом возвышении, за письменным столом, богато украшенным резьбой, сидела одна сгорбленная фигура со склоненной над стопками бумаг головой; оттуда слышалось бормотание. Правая рука, лежавшая на столе, была стиснута в тугую кулак – до того тугую, что в полумраке были видны выступающие мышцы каждого пальца. Отреагировав на тишину, которая воцарилась в комнате, сидящий поднял глаза.

– Гадд, – со значением прошептал Вилли.

– Отстой, – с пренебрежением пробормотала Элл.

– Наконец-то! – прорычал Гадд, подняв кулак и грохнув им по столу.

Сколько бы Элл ни храбрилась, Кэй ощутила, как по телу сестры прошла дрожь, ладонь сразу стала липкой. Кэй крепко сжала ее руку, собираясь внутренне для противостояния, которое сама себе обещала.

– Ну, – продолжил Гадд, низкоросло возвышаясь над столом, из-за которого он поднялся, – сделал-таки дело на этот раз, недотепа? Я собственноручно написал тебе задание, дылда, потолкоскреб, никчемный шелкомотатель, передвигатель камешков, музолобивый урод! Зря я не вышвырнул тебя вон вместе со всеми мечтунами, со стихотворцами и прочей шушерой. И вышвырнул бы, если бы меня не веселило, как ты вытягиваешь у себя кишки через заднее место. Орясина, безмозглая жердина! Ты настолько же туп, насколько... – он измерил Вилли взглядом и глумливо ухмыльнулся, – долговяз. Хуже напортачить с этим заданием было *физически* невозможно!

Гадд и начал-то с напором, а кончил таким ревом, какой, показалось Кэй, был этому малорослому существу едва под силу. Он умолк – судя по всему, чтобы облизать толстые сухие губы. Вилли поднял руку, явно желая что-то сказать.

– Ни слова не хочу слышать, – оборвал его Гадд. – Значит, вот они, детки. Скажи мне, – обратился он к Вилли гораздо тише и рыскающей, возбужденной походкой, не сводя глаз с

болезненно скрюченного духа, обошел стол и остановился на краю возвышения. – Скажи мне, чудо-юдо, приходило ли тебе в голову, что ты когда-нибудь опять будешь удостоен такой привилегии – видеть, слышать, перемещать *автора*?

Каждое его слово было клубком презрительного рычания. Кэй, ощутив, как рука Вилли бережно легла ей на плечо, стояла теперь чуть-чуть более гордо.

– Клянусь музами, нет, – промолвил он тихо.

– Да при чем тут они? – рявкнул Гадд, вновь зримо раздраженный. – Знаешь ведь, что я не терплю, когда их поминают. – Он помолчал, и в комнате сделалось тихо, если не считать шелеста бумаг на столах, за которыми трудились духи-коротышки, похожие на троллей. Время от времени они украдкой поглядывали на Гадда. – Не думал, не гадал, не так ли? Не надеялся. А теперь отправился и выдернул ее прямо из детства, прямо из ученичества, загляденье просто. С тем же результатом мог взять и задушить ее в постели.

Тут Кэй вздрогнула наконец. Вилли теснее прижал руку к ее плечу, и в то же мгновение Элл прильнула к ее левому боку.

– А знаешь, мне хорошо, когда я вижу такого великого духа, как ты, из старой гвардии, да что там – старейшего – играющим роль в нашей маленькой революции. Это меня греет. Ты даже вышел за пределы той маленькой эпизодической роли в твоём собственном уничтожении, что я тебе назначил. Какой же ты лох, какой оболтус криворукий – просто поразительно!

Гадд усмехнулся, квадратная челюсть отъехала вниз, и показались два ряда острых желтых зубов. *Как у крысы*, подумала Кэй. Он сошел с возвышения, кургузый, но почему-то с каждым шагом, чем ближе к ним, тем более властный. У Кэй в ушах запульсировала прилившая кровь.

– Да успокойтесь же вы! – рявкнул он девочкам, нацеленно глядя на них. – Мы не причиним вам вреда. Хотя могли бы.

Кэй вжалась в ладонь Вилли, но не отпрянула.

Чертобес и Огнезмей, когда Гадд приблизился, подошли к нему слева, Чертобес протянул начальнику смятые страницы описи. Гадд взял их и тщательно расправил, разглаживая рукой, это занятие поглотило его целиком и, казалось, навечно. Потом, все еще глядя вниз, он встал перед Кэй, поднял голову и медленно, просто, с такой требовательностью в голосе, какая возмещала почти полное его беззвучие, проговорил:

– Дай мне зуб.

Сама собой, вопреки ее воле, правая ладонь Кэй двинулась вверх из кармана, поднялась в воздух и разжалась вокруг зуба, стоявшего на ней вертикально. Продолжая смотреть ей в глаза, не перемещая каменное лицо ни на дюйм, Гадд взял его. Каждый мускул ее тела протестовал – и все же каждый мускул делал ровно то, чего требовал Гадд.

– Спасибо, – сказал он. Сарказм, не доброта. Обойдя пришедших, он направился к одному из длинных столов, около которого Кэй увидела мешки с папиными вещами, принесенные Флипом и Вилли, Джеком и Хобом от аэростата. Он бросил зуб в открытую горловину ближайшего мешка и не стал идти дальше. Не поворачиваясь, не поднимая головы, произнес с такой же тихой властью:

– Позднее я разберусь с этим автором сам. А сейчас отведите детей в Каменоломни, накормите и дайте им отдохнуть. Чертобес, Огнезмей: мне надо будет потом с вами проконсультироваться насчет того, как с ними поступить. Но сначала отправьте эти мешки в хранилище. Действуйте.

Двое услужливых духов взвалили на себя по мешку, пересекли комнату и, поднырнув, прошли через низкую дверь. Наступила недолгая тишина. Гадд медлил у приземистого стола красного дерева. Его палец рассеянно поглаживал стопку бумаг. Он был, казалось, погружен в раздумья.

Кэй почувствовала, что Вилли, чья рука по-прежнему плотно придерживала ее плечо, пытается повернуть ее и вывести за дверь. Она крутанулась, высвободилась и сделала несколько шагов к Гадду. У нее кружилась голова.

– Мы прилетели сюда за нашим папой. Где он.

Это не был вопрос. Она просто выпалила это.

Все тот же шорох бумаг, все те же негромкие шаги равнодушных ног между столами и шкафами – таким был звуковой фон, на котором бешено стучало сердце Кэй. Гадд долго хранил молчание. Она смотрела на костяшки его пальцев на столе – пальцы опять были напряжены, потом костяшки побелели, казалось – от злости или, она надеялась, от страха. Лица его она не видела, только загривок над грубым воротом из плотной шерстяной ткани и свалывшиеся спутанные волосы на затылке. Она ждала, зная, что он слышал ее.

Наконец Гадд заговорил, вновь тихо; но костяшки пальцев дошли до почти серебряной бескровности, а в голосе зазвучала новая, особая угроза.

– Я уже с ним разобрался. Вы опоздали.

Вилли вытянул свою длинную руку и вытащил Кэй из комнаты.

Гадд обошел скрюченное тело на каменном полу Фантазиума. Лежащий был одет в грязные лохмотья, связан грубыми веревками. Только голова была свободна, но волосы на ней склочились, на лице засох пот – и другое, похуже. Два коренастых духа в капюшонах, стоя с одного бока, всё бормотали маниакальные фразы, всё шептали ему угрозы – взрывчато, яростно.

– Он готов?

Один из духов умолк. Он поднял голову и посмотрел на Распорядителя пустым растекившимся взглядом. В полусумраке помещения его зрачки медленно начали фокусироваться, как будто его взор был птицей, прилетающей с порывом ветра из дальнего далека.

– Почти.

– Ничего уже не помнит?

В это мгновение скрюченная на камнях фигура издала прерывистый стон. Она дернулась, толчками рук попыталась растянуть веревки. Гадду пришла на ум красивая бабочка, бесплодно силящаяся выбраться из неподатливого кокона. Он видел такое однажды в жаркое время года, она корчилась в жесткой оболочке до полного изнурения. И до смерти.

Лежащий ловил ртом воздух. Опять застонал.

– Мои дочери...

Полуулыбка сползла с бугристого лица Гадда.

– Помнит одно, – сказал ему дух.

– Работайте над ним! Не давайте ему отдыха. Он мне нужен будет утром в готовом виде.

– Ясно, – промолвил дух и, спрятав лицо во мраке капюшона, снова взялся за дело.

Несколько минут Гадд наблюдал за происходящим. Он тщательно заботился о том, чтобы не издавать ни малейшего шума, даже дыхание свое подстроил под ритмический речитатив служителей с его подъемами и спадами. Слова не были ему слышны, но он знал, что это за слова. Методику он разработал сам. Кормить и кормить жертву ложью, псевдоисторией, фальсифицированными сюжетами, поместить человека в зеркальную комнату, где он безнадежно потеряет себя. Голоса должны повышаться и понижаться, прибывать и убывать, как звук саранчи, поедающей его душевный мир, поедающей его уверенность, в конце концов

подающей все, что он знал или о чем мнил себя знающим. После раздражения у него наступает транс, переходящий в исступление, переходящее в слабость. И, ослабев, он наконец выпускает из рук собственную историю. Он уже не ведает себя.

И тогда он готов. Человек, достигший этой стадии, лишен всякой целостности, он совершенно аморфен. Он поверит во все, доверится всему и, словно он летит в пустоте, схватится за что угодно и тут же возомнит, будто обрел твердую опору. Любой мираж, любое наваждение он примет за надежную, безусловную реальность, любую дикую фантазию – за вечную истину. Он так жаждет убежденности, что все принимает на веру, он до того беззащитен перед всем, что ему говорят и с ним делают, что сам не заслуживает ни малейшего доверия. И в таком вот состоянии полной слабости и уязвимости его можно отпустить. Да, взять и отпустить. Пусть перебивается как может – когда он ни на что уже не способен. Пусть в своем безумии рвет себя на куски. Пусть над ним смеются дети, пусть его пинают прохожие, пусть его примут за бродягу и посадят за решетку, а то и хуже.

Гадд ухмыльнулся. Да, приятно вообразить, как Зодчий, великий архитектор несбыточной надежды, бредет по неведомым каким неприветливым улицам, преследуемый детьми и психами.

Было время, ты охотился на нас, подумал Гадд. Пусть теперь на тебя поохотятся.

Он вновь ухмыльнулся, затем повернулся и тихо прошествовал наружу.

5

Каменоломни

Впоследствии Кэй не могла ясно вспомнить, что было дальше; она тащилась коридорами и еще коридорами, если и соединенная с другими, то бесчувственно, как поводками. Голоса, шаги, звуки открывающихся и закрывающихся тяжелых дверей доносились как будто издалека, точно из-за стенки, обитой ватой. Ей запомнилось ощущение долгого спуска, не по лестнице, а по чередке протяженных уступов, которые, похоже, все время поворачивали влево. Иногда им встречались другие духи, и малорослые, и долговязые, они шли чаще парами или небольшими группами, реже поодиночке. Она вся была онемение, холод и пустота; кости ног словно бы сделались полыми и подрагивали, как бамбуковые трости. Так много вопросов, и совсем нет сил их задавать...

Несколько раз по пути вниз ноги у нее подгибались. И неизменно рука Вилли была тут как тут, подхватывала ее, не давала упасть – он как будто читал ее мысли, понимал, до чего ее ногам больно, до чего в них пусто. Поначалу она была ему благодарна, но потом начала досадовать. Она хотела упасть. Хотела рухнуть – но он ей не позволял. Да, она знала, что он ей друг, но чем дальше, тем больше чувствовала в его мягкой поддержке руку тюремщика.

Нырнув в низкую арку, они очутились в еще одном пещероподобном помещении, грандиозном и совершенно пустом. Тут не было, в отличие от первых двух залов, ни мебели, ни убранства, ни светильников; но тут было еще намного, намного просторней. На далеком потолке – хотя потолок ли это? – Кэй, изумленно запрокинув голову, увидела крохотные светящиеся точки, похожие на звезды; их узоры, их водовороты и каскады были гораздо насыщенней и упорядоченней, чем созвездия. Слабый свет, который от них шел, очень мало что позволял видеть вокруг, только давал общее ощущение сумрачной необъятной пустоты. На полу пещеры она не заметила вначале ничего особенного, но слух с разных сторон улавливал тихое журчание, словно недалеко протекал ручей; и свежий неутраченный ветерок шевелил ей волосы, когда Вилли, повернувшись, присел на корточки поговорить с ней и сестрой.

– Мы пришли в Каменоломни. Не роскошное место, но тут мы живем. В смысле – мы, духи. В Каменоломнях действует негласное правило: не разговаривать. Гласных правил тут и быть не может, не правда ли? – Он улыбнулся. – Тут мы бессловесны, но ради вас, я считаю, можно и нужно сделать исключение. И все-таки старайтесь говорить потише. Я вам покажу, где поспать.

Снова взяв девочек за руки, Вилли повел их еще ниже, на этот раз по короткой крутой лестнице, спускавшейся в некое подобие колодца. Дойдя до нижней ступеньки, они повернули и через узкую прорезь в стене вошли в комнату, где имелось нечто вроде окна, а сквозь люк в потолке можно было увидеть свод пещеры. Тут и там висели переносные фонари. Обессиленная, Кэй сползла на пол и пристроила Элл у себя на коленях. Вилли закрыл за ними тяжелую деревянную дверь, потянулся к ключу в замке, поколебался – и, передумав, оставил дверь незапертой. Взял со стола буханку темного хлеба, разломил и дал девочкам по куску. Дома от

такого хлеба они обе отказались бы: почти черный, грубый, сухой. Но тут Кэй принялась есть с жадностью. Жуя, она слышала воду – здесь она журчала громче.

– Тут река? – спросила она.

– Да, вроде реки, – ответил Вилли; взяв каменный кувшин, он наполнил из него два небольших глиняных стакана и подал девочкам. – Вот вам вода из нее. Когда мы добывали здесь камень столетия назад, мы расчистили берег вдоль одного из древних внутренних русел, по которым текла талая вода от ледника на востоке, она пробилась сюда сквозь мягкий камень в нижней части горы. Мы обнажили русло и стали вести разработку вокруг него, это дало нам очень полезный источник питьевой воды и постоянный источник красивой музыки. Родным домом это трудно назвать, но свои утешения тут есть.

– А звезды? – спросила Кэй, слабым пальцем показывая вверх.

– Мы пробили через толщу горы вертикальные шурфы, в них проникает солнечный свет. Они нужны для вентиляции, но ты должна признать: картина получилась впечатляющая. – Он широко улыбнулся. – Это моя идея была.

Кэй вяло подумала, что сейчас, должно быть, утро. *Утро... как это... что происходит... куда мы попали...* Она слишком устала, чтобы задавать вопросы; она чувствовала, как они шипят и гаснут в горле, точно сырые свечки.

– С тех пор, как мы поселились в горé, все занятия наши тут, кроме нашей работы.

Вилли пододвинул маленький стол, стоявший у стены, и два стула. Он посадил девочек на стулья, сам же сел перед ними на пол.

– У вас наверняка тысячи вопросов, – сказал он. – Задавайте. Но тихо.

Кэй попыталась сосредоточиться. Жесткая прямая спинка деревянного стула больно нажимала ей на ребра планками. Поворачиваясь, оглядывая комнату, заставляя себя быть зоркой, она потирала то один, то другой бок. Местами комната была тщательно высечена в скале, местами грубо вырублена. На потолке и полу кое-где виднелись выбоины, следы тяжелых молотков, многие поверхности остались неровными, не до конца обработанными. Но вокруг декоративного окна и декоративной двери напротив проема, через который они вошли, все было иначе. Некий мастер тонкими инструментами любовно обработал каждую грань, каждую деталь, терпеливо изваял каменные фигуры, вырезал колонны с каннелюрами; и, хотя во всем этом не чувствовалось единства – бессистемный коллаж, не более того, – было красиво. *Все равно что открыть дверцу старого платяного шкафа, подумала Кэй, и обнаружить за ней густой заснеженный лес.* Теперь, когда глаза привыкли к полумраку, она поняла, что камень здесь – не скучный серый гранит, что он синеватый, цвета неба на востоке перед самым закатом.

– Зачем вы добывали здесь камень? Где все это вообще? – спросила она, опять поднимая руку и делая плавный жест в сторону выхода и как бы наружу. За дверь, которую Вилли раздумал закрывать на ключ. Он что, хотел запереться от кого-то? Или, наоборот, *их* запереть?

Вопросы заставили Вилли мгновенно нахмуриться, словно его укусила оса; он обхватил руками колени, сплел пальцы и опустил подбородок на грудь.

– В Вифинии обитали мы, – проговорил он, и голос его был, почти как эхо, гулок и слаб. Его глаза закрылись, и Кэй ясно было, как тогда, в корзине аэростата, что он продолжит, надо только подождать. – В Каменоломнях добывали небесный камень и переправляли речным путем к морю, в Вифинию. В копиях под горой извлекали из недр золото и серебро, то были щедрые жилы, питавшие живое дерево наших парадных помещений. Ныне же Каменоломни – наш дом, а копии...

Элл перебила его:

– Этот... человек с громким голосищем сказал: «Я уже с ним разобрался». Что это значит? Наш папа тут?

Вилли открыл глаза, но взгляда не поднял. Глаза были мокры от слез. Вначале Кэй подумала, что он печалится по родному дому; но внезапно почувствовала, что знает, почему он,

закрыв дверь, потянулся к замку, и знает, почему ей расхотелось сейчас его расспрашивать. Она требовала мысленно, чтобы он молчал, не говорил этих слов. Не говорил при Элл. Ей захотелось встать, нагнуться к нему, запечатать ему рот ладонями. Но вместо этого она сидела застывшая, высокая спинка стула давила ей на затылок.

– Нет. Он в другом месте, – начал было Вилли, его голос стал крепнуть – но вдруг он осекся. Палец его правой руки двинулся по ложбинам и гребням рельефного пола пещеры, то чуть ниже, то чуть выше, по боковым и обратным ответвлениям, по полукружиям и кругам. Кэй смотрела на это движение пристально, не сомневаясь, что его выразительные узоры, как при перемещении камешков по сюжетной доске, богаты смыслом. Палец начал приподниматься и вскоре принялся постукивать по полу то тут, то там, словно изображая капель или клюя зернышки.

– Нет, – повторил Вилли более тихим, более мягким тоном, – он в другом месте.

– Где, в каком месте?

Палец постукивал, постукивал по полу. Кэй понаблюдала некоторое время, потом перевела взгляд на сестру. Элл, сидевшая на стуле рядом, была на голову ниже – и при этом ее лицо было так внимательно, глаза так широко раскрыты, золотисто-рыжие волосы так наэлектризованы от общей сосредоточенности, что Кэй почудилось, будто она смотрит на сестру снизу вверх.

– После перемещения, – тихо промолвил Вилли, – разъятие.

– Что это значит? – спросила Элл, не пропускавшая ни звука. Она, как на шарнирах, повернулась к Кэй. – Не понимаю, что это значит.

Вилли молчал, но его палец все еще клевал и нырял, хотя медленнее. Кэй хотела протянуть руку, дотронуться до Элл: она поняла про «разъятие» достаточно, чтобы знать, что это плохо, ужасно, неправильно. Похоже на ликвидацию. Элл, однако, по-прежнему была полна сил и настроена решительно.

Вилли поднял глаза и распластал на полу ладони, словно грея их на грубых складках его рисунка.

– Давайте-ка я вам историю расскажу, – проговорил он.

– Не хочу историю! – выпалила в ответ маленькая девочка. Она не пошла на попятный, какое там – даже не дрогнула. – Я хочу вернуть папу.

– Выслушайте все-таки эту историю, она про потерю и обретение. Порой *внутри* историй можно найти истины, утешения и пути, которые не столь явны *вне* историй. Порой истории и есть ответы или делают ответы возможными. Порой они – матери ответов.

Он пристально смотрел сейчас на Кэй, глаза в глаза. Встретившись с ним взглядами, она подумала, что никогда раньше не видела глаз такой спокойной, льдистой голубизны. И возникло чувство, что слезы у нее вот-вот брызнут из кончиков пальцев.

– Много веков назад, когда истории еще не записывали в книгах, большие города и народы рассказывали истории о себе, чтобы помнить, кто они такие, откуда явились и чего хотят для себя и детей своих. Люди, которые рассказывали эти истории, были поэтами, и, поскольку они должны были запоминать множество фактов – имена, места, события, причины и следствия, покрывавшие своей сетью сотни, а то и тысячи лет, – им нужно было искать средства для того, чтобы укреплять свою память. Добавлять ей надежности. Поэтому они снабжали свои истории ритмом и рифмами, разбивали их на строки и строфы, украшали их характерными фигурами речи – все это помогало им всякий раз, как они рассказывали любую историю, помещать каждую ее часть куда нужно. А рассказывали они их часто – каждый вечер, иногда двум-трем детям, иногда целому скоплению народа у большого костра или под звездами летом. Вспоминали, свидетельствовали, прорицали.

По мере того, как Вилли говорил, неустанно водя пальцем по камню, тон его голоса, чувствовала Кэй, снова и снова менялся. Как будто смотришь в калейдоскоп, где краски и

контуры обновляются при каждом повороте, образуя нежные, хрупкие орнаменты, похожие на крылья бабочек. Она слышала в его голосе доброту и сострадание, блеск и прозорливость, а под всем этим – музыку, которую хорошо знала: музыку отцовского голоса, мелодию его чтения, долгого чтения в темноте позднего вечера. Элл подала ей руку, и Кэй взяла ее; каким-то образом они сползли со стульев на пол и сидели теперь, прижавшись друг к другу, в тени, создаваемой голосом Вилли.

– Рассказать историю так, чтобы она и прекрасно звучала, и поражала, и легко запоминалась, – для этого нужны были и великое умение, и дар, этому учились, но только те, у кого была врожденная готовность. Так возникали знаменитые семьи поэтов, сыновья и дочери наследовали эту готовность от родителей, овладевали тайнами речи и сохраняли традиции народа, города, семьи. И они состязались между собой, иных люди ставили невысоко, других выше, и очень немногие считались самыми лучшими.

Лучшим из лучших – намного более знаменитым, чем прочие, и поистине величайшим – был поэт Орфей. Он был в семье единственным сыном, происходил из старинного рода певцов, и дар так им владел, что говорили – своих детей у него не будет, он всего себя вкладывает в голос, ничего не оставляя на отцовство. Его дети – его истории. Куда бы он ни шел, он пел на ходу, и, если у него не было лиры в руках, пальцы все равно танцевали в воздухе, выхватывая ноты из ветерка, из дождя, из снопов света, которые падали утром и вечером между облаков. Еще младенцем, не умея говорить, он усвоил ритмы и интонации древних ладов и мелодий, и они постоянно жили у него в горле. И какое это было горло, какая шея! Горло – сладкозвучней соловьиного, шея – краше лебединой, крепче борцовской. Краса и сила сливались воедино в каждой строфе, в каждой строчке, в каждом слого.

– Его папа гордился им? – спросила Элл. Кэй бросила на сестру острый взгляд, досадуя на нее, что прервала поток рассказа, и досадуя на себя, что раздосадовалась. Элл выглядела сонной. Глаза у нее слипались.

– Да, очень гордился, – сказал Вилли. – Потому что сын быстро овладел всеми традиционными историями, на которых зижделась слава отца. Он пел о великих битвах, смягчая суровость этих песен любовными интерлюдиями, пел о судьбах славных родов, происходивших от богов и героев. В юном возрасте он уже отличался такой глубиной и широтой повествования, такой памятью и страстностью, какие были доступны лучшим певцам только в зрелые годы. Все постоянно судили и рядили: к чему этот великий артист обратится теперь? Где найдет материал? В те дни в обычае у поэтов было, чтобы их пение воспринималось легче, полагаться на некоторые особенности памяти: небольшие фрагменты песни возвращались рефреном, звенели, как знакомый колокольчик, – обороты из четырех-пяти слов, иногда в чутьчку преобразованном, но узнаваемом виде, повторялись снова и снова. Это и облегчало ношу поэта, и радовало слушателей: ничто не приносит такого удовлетворения, как возврат чего-то знакомого. Нет ничего милей внезапного послабления тягот, холодной воды в разгар жаркого дня. Орфей был искушен в этих приемах более всех современных ему поэтов, он славился тонкостью, с какой, задав тему или мотив, позволял заданному претерпеть изменение, метаморфозу, а потом лежать мертвым грузом, пока он, певец, не оживит лежащее, не вернет на свет. Если прочие поэты, плетя в своих творениях сеть из тем, иные из тем продолжали, а другие бросали, то про Орфея говорили, что он никогда не теряет ни единого слова. Говорили, что он может позволить слову умереть и отправиться в преисподнюю, но непременно воскресит его до завершения песни.

Кэй ошетилилась. *В преисподнюю*, повторила она мысленно.

Элл, оказывается, бодрствовала.

– Из преисподней никто не возвращается, – сказала она.

Палец Вилли замер в воздухе, он поднял голову и посмотрел на девочек – на каждую по очереди долгим взглядом. Его глаза были заботливы, наполнены мыслью об их малости и беспомощности.

– Мне продолжать? – спросил он.

Кэй кивнула. Палец Вилли вновь начал двигаться, двигаться. Прошла минута без малого, прежде чем к пальцу присоединился голос.

– Видать, было неизбежно, что такой способный и умелый мастер влюбится в Невесту. К тем, кто ее любит, она никогда не приходит сама собой. Встречи надо искать, добиваться, и путь к этой встрече всегда окольный. Вдруг она является любящему среди его повседневного труда. Так вышло и с Орфеем, когда он пел под раскидистым платаном в одной долине в Македонии. Он рассказывал историю из самых старых – повесть о сотворении мира. В лучших историях ставятся вопросы, на которые нет и не может быть ответа: каким творением был сотворен сам творец? Как это возможно – и созидать, и созидаться этим созиданием? По мере того, как Орфей пел, поворачивая тему так и этак, переходя от сотворения мира к природе своего искусства, облагораживающего то самое бытие, которым искусство порождается и взращивается, он постепенно терял власть над своим пением. Повесть начала обретать свою собственную цель и протяженность, создавая благодаря отходам в сторону как бы обширные складки и полы, присоединяя к главной кайме фестоны отступлений. История за историей сплошной лентой сходили с его измученного языка. Пустившись на поиски чего-то одного, одной великой истории, он сотворил их много. Была уже глубокая ночь, когда ему, приведенному усталостью и ускоряющимся ритмом созидания в какое-то особое состояние, стало видимо нечто новое и ошеломляющее. Голосом, который вдруг сделался громовым, он выпалил это – словно стрелу послал: сама невозможность мироздания и есть его первопричина. Тут проявляется то качество Невесты, что называют самым загадочным.

Той ночью краем глаза сквозь деревца около селения Орфей и заметил первый раз Невесту. На ней, как всегда, было свободное белое платье – то самое, из-за которого ее и прозвали Невестой. Среди деревьев она двигалась молча и была доступна боковому зрению. Невеста только и может являться, что посредством чего-то другого, сквозь что-то другое, как будто она свет в воде или внезапные оттенки, краски, повисающие в воздухе радугой после грозы. Орфей чувствовал это, чувствовал, что не должен смотреть на нее прямо; и он глядел в сторону, песня струилась через его ум и уши, а между тем белое платье подплывало все ближе, пока он не ощутил, как в волосы на затылке вплетается ее дыхание. И он подумал тогда, что если сейчас потеряет ее, если лишится прикосновения, которое, он знал, она вот-вот ему подарит, то никогда больше не добьется ее появления. Он ошибался. То был для него всего лишь первый раз.

Невеста, подумала Кэй.

– Невеста, – сказала она. – Кто она такая? Мой папа с этим работает – с Невестой.

Палец Вилли продолжал двигаться, теперь он танцевал на камнях, как перышко, плывущее по воде.

– Никому не ведомо, кто она такая, – тихо промолвил он.

– Но Орфей же *видел* ее. Вы сказали: он ее видел. Ну, и как она выглядит? Кто она?

– Она – то, чего никому не удастся увидеть ясно. То, что почти ухватываешь, что различаешь, но не до конца, что всегда потом ускользает, теряется, как приснившаяся картина или мысль при резком пробуждении, как отдельная жила, когда смотришь на витую веревку. Или когда любишь кого-то очень-очень сильно и думаешь, что вот-вот на куски разорвешься, – она и есть сам этот разрыв.

– Ох... ох... – вымолвила Кэй, словно бы плача, хотя знала, что в сердце и в голове у нее ясно, сухо. – Он не может ее увидеть.

– Не может, – подтвердил Вилли.

– Невыносимо, – сказала Кэй, крепче обнимая Элл, чье теплое тело обмякло, уступило наконец сну.

– Вот и Орфей не мог этого вынести. Пение кончилось для него в ту ночь, и он потерял тогда Невесту; но она приходила снова и снова. Он так хорошо научился ее вызывать, что вскоре только и надо было, что настроить мысли или речь на знакомый лад, – и возникало ее белое платье без пояса или слышались легкие шаги ее сандалий по траве у него за спиной. Мысли, конечно, всякий раз были другие, ведь мысль – она как след тележного колеса на мягкой дороге, от повторения след превращается в колею, в колеях скапливается жидкая грязь, дорога делается заезженной, труднопроходимой, и это губит Невестин ритм. Всегда поэтому он искал новые истории, новые ритмы, новые формы и звучания, чтобы мысль перекидывалась, как волна, которая без конца бьется о берег, отражается от него, но не разбивается; чтобы он мог каждый день жить ожиданием Невесты, испытывать неведомое ему раньше чувство сопричастности и свидетельства.

Чего поэт не принимал в расчет, хотя другие с самого начала видели, что с ним происходит, – это как голод по Невесте изменял его. Постепенно этот голод разрывал его изнутри. Он без устали искал новых переживаний, новых историй, новых ритмов, новых форм, все новых и новых способов, какими он мог призвать к себе прекрасную, вечно ускользающую, почти достигаемую фигуру, и искусство его от этого поднималось все выше, он стал величайшим поэтом за все времена. Но за все эти новшества и эксперименты, за долгие ночи без сна и дни без отдыха, за месяцы и месяцы, что он простоял, декламируя вечно обновляющиеся, все более сложные, все сильнее трогающие душу поэмы, – за все это приходилось платить. Любовь к Невесте вычерпывала его, выдалбливала, истощала. Его глаза запали, губы побледнели и потрескались, волосы выпадали прядями, мышцы сохли, кожа делалась землистой, язык – шершавым; и характером, мыслями он становился все более ломким, сухим, нетерпимым. И вот однажды, когда он, покинув горы Фессалии, сел на многолюдном рынке и повел свой поэтический рассказ, по-новому излагая древнюю повесть о потопе, случилось неизбежное. Орфеев ритм приобрел такую мощь, что Невеста вместо того, чтобы тихо, крадучись подойти сзади, бросилась к нему бежать спереди из своего далека. Он пел, окруженный людьми, полными ожидания и восторга, она приближалась, и наконец он поднял глаза и взглянул ей прямо в лицо. И в этот самый миг она замедлила бег, протянула руку и дотронулась до него.

В долгом сумеречном звездном свечении проколотого потолка пещеры Вилли медленно перевел взгляд на девочек – они сидели на полу обнявшись, привалились одна к другой и, судя по ровному, почти неслышному дыханию, крепко спали. Он задумчиво чертил пальцем овалы на каменном полу.

– Вилли, что было потом, когда она до него дотронулась?

Кэй бессонно бормотала, не поднимая обмякших век, ее руки, облегшие плечи Элл, были расслаблены.

– Он разрушился, Кэй. И претерпел разъятие.

– *Ведите его.*

Двое духов в капюшонах подошли, каждый со своего бока, к скомканной лежащей фигуре, наклонились и, насколько могли, бережно подняли ее во весь разбитый рост. Голова мужчины плохо держалась на плечах, он что-то лопотал, лицо покрывала кроваво-слизистая корка. Кем бы он ни был, он не поднимал глаз. Он был готов.

Гадд держал дубовую дверь Фантазиума широко распахнутой, пока духи под руки выводили шаркающую фигуру, и вчетвером они начали спускаться по лестнице баини. Их движение было мучительно медленным.

В основании баини Гадд поднес руку к тяжелому канату с ошейником, веками висевшему здесь на железном крюке. Сколько раз, грезя наяву или во

сне, воображал он, как снимает канат со стены! Ошейник был из гладкого железа – кованая полоса примерно в два дюйма шириной, с одной стороны тугая поворотная петля, с другой замок. К ошейнику в незапамятные времена было приделано тяжелое кольцо, оно держалось на массивных приваренных кусках черного железа. Он знал еще до того, как притронулся, что это будет за вес, какого усилия потребует петля. Не потребует – взмолился об усилши. Дюймовой толщины канат, перевитый стальной нитью, гладко оплетал собою кольцо. Он медленно стягивал канат с крюка, виток за витком, подставив под его толщину и тяжесть другую ладонь, каждый виток доставлял ему отдельное удовольствие. Он ласково ощупывал большим пальцем каждое волокно, не пропуская ни одного утолщения, ни одной ворсинки, позволяя канату ползти между ладонями под действием собственного веса. Жалко, подумал Гадд, что он скоро кончится.

Да, вот и кончился канат.

Голова висела перед ним, ключья оставшихся волос были склеены грязью. Желания прикоснуться он не имел. Он кивнул одному из духов, тот крепко схватил голову за волосы и поддержал ее настолько, чтобы обнажилась лента серой кожи под подбородком. Гадд одним резким движением раскрыл ошейник, а затем легко и благоговейно, точно царя короновал, окружил им шею. В каком-то смысле, подумал он, и впрямь коронация. Благоговение он испытывал перед самим собой.

Маленькая группа двигалась по грубо пробитым в горé проходам, Гадд, деликатно зацепив канат кончиками коротких и толстых пальцев, шел впереди и помышлял о грандиозных триумфах былых эпох, об увенчанных золотом побед военачальниках, возвращающихся в имперский столичный град в колесницах, о пленниках, которых ведут в цепях или провозят в клетках сквозь глумливые уличные толпы. Ему слышались трубы, виделась бархатные подушки – на них восседал император, принимая от недругов знаки покорности с милостивым снисхождением. Придворные лакали его зевки, точно коты молоко. При каждом шаге Гадд ощущал в карликовых своих икрах пульсацию барабанного боя. Глаза можно было не закрывать: сон наяву владел им и так.

Без спешки миновали огромную пещеру внутри горы, увешанную гобеленами, дальние – короткий проход и дверь библиотеки. Пока Гадд вел за собой шаркающего пленника, на стенах вспыхивали светильники.

Вот и пришли. Все готово. Теперь, подумал он, остается одно: ждать.

Даже пауки в своих паутинах, подумал Гадд, не ждут так терпеливо, как он, так тихо, как он. Вот-вот дочери великого Зодчего увидят отца; но Зодчий своих дочерей не увидит. Ибо он теперь их не знает. В какое отчаяние и безрассудство это вгонит их, его недругов, Гадду незачем было воображать – ибо он уже построил весь этот сюжет до последнего шага. Девчонка сломается. И готова будет сделать что угодно, лишь бы вернуть отца. А когда узнает, что такую возможность имеет только сам Гадд, – разумеется, она даст ему все, чего он потребует. Даст ему золотую корону.

А пока – ждать, ждать.

6

Разъятие

Кэй проснулась, почувствовав чьи-то руки у себя на плечах. *Что такое?* – думалось ей в тот короткий промежуток, когда она еще не заставила себя открыть глаза.

Это был Вилли. Полуприсев над ней, он спорил о чем-то с Флипом. Кэй видела, как шевелятся его губы, и ей внятен был злой металл в его голосе, внятен его взгляд, жесткий, как тиски. Он давал словесные залпы у нее над головой, но смысла этих слов она не понимала.

И он прижимал ее к полу. Она пыталась пересилить его ладони. Потом нашла свои и уперлась ими в камень, стала скрестить его пальцами, рваться, выкручиваться. Каким-то образом они, пока она спала, переместились наверх, в огромный зал Каменоломен, где наблюдалось движение: ей удалось, извиваясь в руках Вилли, повернуться на бок, и она увидела группу духов, которые шли по полу пещеры, удаляясь в сторону большой лестницы.

– Мне плевать на нить, – говорил тем временем Вилли. – Он не имеет права.

Он почти не обращал на нее внимания, хотя она всеми силами пыталась вырваться из его рук.

Элл, подумала она. Ее взгляд дико метался по громадному помещению, голова крутилась из стороны в сторону. Элл. Элл.

– Имеет право, не имеет права – Вилли, у него голоса, у него поддержка, и ничего ты с этим не сделаешь. Нам приходится довольствоваться лучшим из возможного. Не заводись, прими как данность.

Это был Флип. *Где Элоиза?*

– Она совсем маленькая. Шесть лет самое большее.

– Ей во-осемь, – вымолвила или, скорее, провыла Кэй.

Тут наконец Вилли сполна обратил на нее внимание. Она резко крутанулась вправо, потом сразу влево. Правая ладонь Вилли подавалась, и Кэй, дернувшись вверх, поставила одну ногу. Не выпрямившаяся до конца, скорченная, она походила на собаку. На раненую собаку в шаге от Вилли. Она смотрела на его руки.

– Где она? – спросила Кэй. – Я обещала позаботиться о ней.

– Пришел Чертобес и забрал ее к Гадду, – сказал Вилли. – Я хотел ему помешать, но мой *дружок* Флип остановил меня. – Голос – ровный, добрый, обычный. *Но руки, руки.* – Мы боялись, что ты проснешься, – добавил он почти извиняющимся тоном. – Мы построили сюжет, и возникло опасение, что ты попытаешься пойти следом.

Кэй бросила быстрый взгляд на плотную группу духов, которая все еще двигалась через Каменоломни и почти уже подошла к лестнице.

– Гадд захотел ее видеть? – спросила Кэй. – Я думала, он хочет видеть *меня*. Отведите меня туда сейчас же.

Она не двигалась. Вилли и Флип тоже. Они ничего не говорили, но по их напряженному молчанию она чувствовала, что дело обстоит не лучшим образом. Другие духи между тем

дошли до лестницы и начали подниматься, пропадая из виду. В их гуще Кэй успела заметить рыжий проблеск – локоны Элл.

Она содрогнулась всем телом.

– Мы не можем, Кэй. Распоряжение Гадда, – тихо промолвил наконец Вилли. Кэй ниже пригнулась к каменному полу, распластав по нему ладони, и посмотрела в даль Каменоломен, за подземный поток, бивший откуда-то снизу. Там неслышно ходили туда-сюда в полумраке еще какие-то духи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.